

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
**«БЕЛГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»**
(Н И У « Б е л Г У »)

ИНСТИТУТ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ И
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Кафедра английской филологии и межкультурной коммуникации

**ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА
ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ (НА ПРИМЕРЕ
ТЕТРАЛОГИИ КРИСТОФЕРА ПАОЛИНИ «ЭРАГОН»)**

Выпускная квалификационная работа

обучающегося по направлению подготовки 45.04.01 Филология
магистерская программа Теоретические и прикладные аспекты перевода
очной формы обучения,
группы 04001524
Еремина Александра Сергеевича

Научный руководитель:
кандидат филологических наук,
доцент кафедры английской филологии
и межкультурной коммуникации
Дехнич О. В.

Рецензент:
кандидат филологических наук,
заведующий кафедрой иностранных
языков БГТУ им. В.Г. Шухова
Беседина Т.В.

БЕЛГОРОД 2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	3
Глава I. Перевод художественных произведений в рамках теории перевода.....	7
1.1. История становления и современное состояние теории перевода.....	7
1.2. Основные классификации приемов перевода.....	24
1.3. Особенности перевода художественных произведений.....	32
1.4. Перевод фразеологических единиц в художественных произведениях.....	40
Выводы по Главе I.....	48
Глава II. Роль трансформаций при переводе романа Кристофера Паолини «Эрагон».....	50
2.1. Отличительные черты творчества Кристофера Паолини и его произведения "Эрагон".....	50
2.2. Особенности лексическо-семантических трансформаций при переводе романа Кристофера Паолини «Эрагон».....	53
2.3. Перевод фразеологических единиц в произведении Кристофера Паолини «Эрагон».....	69
Выводы по Главе II.....	78
Заключение.....	80
Список использованной литературы.....	82

ВВЕДЕНИЕ

Ремесло перевода существует уже очень давно, однако развитие этой науки не всегда было равномерным. Значительный толчок в развитии эта дисциплина получила в середине 20-ого века. Но и по сей день лингвисты, теоретики и практики неустанно разрабатывают и предлагают всё новые теории и концепции. Они касаются различных направлений переводческой деятельности. Одним из наиболее актуальных и востребованных на сегодняшний день является художественный текст. Это направление в переводе требует к себе особого внимания со стороны переводчика, потому что предполагает не только высокий уровень знания языка, но и определенные писательские способности у самого переводчика. Немаловажно брать во внимание такие нюансы как эпоху описываемых событий, культурные особенности языка оригинала и даже жанр, одним из которых является относительно молодое направление под названием «фэнтези», возникшее в первой половине XX столетия в англоязычной прозе. За время своего существования он успел набрать широкую популярность, однако на настоящий момент остается малоизученным с научной точки зрения.

В связи с этим возникает проблема моделирования перевода и оценки его адекватности для успешного осуществления межъязыковой коммуникации при переводе произведений данного жанра.

Актуальность темы исследования заключается в малоизученности жанра фэнтези с лингвистической точки зрения, а также в необходимости разработки рациональных переводческих стратегий, которые можно бы было применить при переводе текстов данного жанра. Сравнительно-сопоставительный анализ фэнтезийных произведений с их переводами на русский язык позволит выявить структурно-типологические и лексико-семантические особенности текста, рассмотреть способы их реализации при

переводе и выработать основные директивные рекомендации по способам решения ряда переводческих задач.

Объект исследования – переводческие приемы и лексико-семантические особенности серии произведений Кристофера Паолини «Эрагон», а также способы достижения адекватности при переводе данного художественного произведения.

Предметом предпринятого исследования послужили способы реализации лексико-семантических аспектов в переводах произведений жанра фэнтези на русский язык путем их сравнительно-сопоставительного анализа.

В качестве **материала** исследования была использована серия книг Кристофера Паолини «Эрагон» и их переводы на русский язык.

Цель данной работы – рассмотреть и исследовать лексико-семантические особенности произведений жанра фэнтези, играющие важную роль при переводе, посредством сравнительно-сопоставительного анализа.

В соответствие с поставленной целью, предметом и объектом исследования были сформулированы следующие **задачи**:

- Рассмотреть современное состояние теории перевода в целом, проследив основные этапы ее становления;
- Проанализировать наиболее известные классификации приемов перевода отечественных и зарубежных лингвистов;
- Выявить характерные особенности и дать характеристику такому направлению, как перевод художественной литературы;
- Охарактеризовать специфику фразеологии в художественных текстах с точки зрения переводчика-практика;
- Произвести сравнительно-сопоставимый анализ текстов оригинального произведения и его перевода на русский язык и выявить основные трудности, вызванные при переводе анализируемого произведения;
- Дать оценку переводческим решениям, руководствуясь критериями адекватности;

Теоретической базой для написания данной работы послужили исследования отечественных и зарубежных ученых.

Основным методом исследования был выбран метод сплошной выборки материала с последующим дескриптивным анализом.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Отличительной чертой произведений Кристофера Паолини является наличие своего собственного языка, большая часть слов, которого была заимствована из древнескандинавского языка. В связи с этим в произведении присутствует большое число окказионализмов и имен собственных, которые придумал сам автор.

2. Наиболее распространёнными приемами при переводе романа Кристофера Паолини «Эрагон», которые использовал переводчик И. А. Тогоева можно назвать прием лексических добавлений, описательный перевод, а так же транскрибирование при переводе терминов «древнего языка».

3. В романе Кристофера Паолини «Эрагон» в изобилии присутствуют фразеологические единицы, которые служат для усиления экспрессивности и образности. При переводе ФЕ переводчик И. А. Тогоева чаще всего использует описательный перевод или фразеологизмы-эквиваленты в ПЯ.

Научная новизна работы заключается в недостаточной изученности данного жанра художественных текстов и отсутствии каких-либо масштабных работ, опирающихся на произведения Кристофера Паолини. Новым также является то, что выявленные лексико-семантические средства рассматриваются в соответствии с конкретной моделью перевода – семантической, ситуативной, коммуникативной и др.

Цель и задачи исследования обусловили использование комплексной методики анализа с применением ряда конкретных методов и приемов: метод сравнительно-сопоставительного анализа оригинала и переводов на русский язык; метод дедукции; метод индукции; метод компонентного дефиниционного анализа; метод этимологического анализа; метод

интерпретации.

Теоретическая значимость: разработан комплексный подход к исследованию проблемы перевода произведений жанра фэнтези. Теоретические результаты выполненной выпускной квалификационной работы могут служить рекомендациями к переводу произведений в жанре детского фэнтези.

Практическая значимость выполненного исследования состоит в возможности использования полученных результатов на семинарских занятиях курса по переводоведению, а также при написании студентами курсовых работ.

Апробация работы. Теоретическое положение и практические результаты исследования отражены в научных статьях:

1) Еремин А. С. Лексико-семантические особенности художественного произведения Кристофера Паолини «Эрагон» // Проблемы изучения иностранного языка, истории и культуры: Сборник научных работ студентов, магистрантов и аспирантов (по материалам научной конференции 12 апреля 2016, г. Белгород) Вып. 8 Отв. ред. Е. В. Пупынина. – Белгород, 2016.

2) Дехнич О. В., Еремин А. С. Фразеологические единицы в романах жанра фэнтези на материале романа Кристофера Паолини «Эрагон. Возвращение» и особенности их перевода на русский язык // Образование без границ / Сборник научных статей (по итогам Международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. 20 апреля 2017 г.) / отв. ред. И.Б. Игнатова, С.Н. Борисов. – Изд-во: ООО «Зебра». - Выпуск 5. – Белгород. - 2017. – 164 с.

Объем и структура работы. Выпускная квалификационная работа состоит из введения, двух глав и заключения. В конце работы приводится библиографический список.

Глава I. Перевод художественных произведений в рамках теории перевода

1.1. История становления и современное состояние теории перевода

Перевод — очень древний вид человеческой деятельности. Своими корнями он уходит в те далекие времена, когда праязык начал распадаться на отдельные языки и возникла необходимость в людях, знавших несколько языков и способных выступать в роли посредников при общении представителей разных языковых общин.

XX век считается «золотым веком» устного перевода, который стал весьма важным и распространенным видом человеческой деятельности благодаря бурному развитию, особенно в 90-е гг. XX в., науки и специальной техники (оборудования для синхронного перевода, аудио- и видеоаппаратуры, компьютеров, интернета и пр.). В 1953 г. Пьер-Франсуа Кайе основал в Париже Международную федерацию переводчиков, в которой сегодня представлено более пятидесяти стран. Это профессиональная, не политическая, не преследующая коммерческих целей организация, которая ставит своей задачей объединение переводческих организаций различных стран. Россия является членом Международной федерации переводчиков (Илюшкина, 2015).

К середине XX в. резко возросли международные контакты. На карте мира появилось много новых национальных государств, возникли многочисленные международные организации, всемирные движения. Бурный рост науки и техники вызвал огромную потребность в обмене информацией. Неизмеримо возрос объем международной торговли, дипломатической деятельности, международной переписки. Расширились культурные связи

между народами, массовый характер приобрел международный туризм. Все эти изменения в жизни человечества вызвали потребность в переводах и переводчиках. Стали появляться бюро переводов, издательства переводной литературы. По данным ЮНЕСКО, сегодня ежегодно в мире издается около 40 тысяч переводных изданий, т. е. более ста книг в день.

Резкое возрастание роли переводческой деятельности в XX в. не могло не вызвать интереса у исследователей, но лишь к середине XX в. процесс перевода стал объектом всестороннего научного изучения. В центре внимания лингвистов оказалась смысловая сторона языковых единиц и речевых произведений, связь языка с мышлением, реальной действительностью, с обществом и культурой. Появились новые лингвистические дисциплины и области исследования, такие, как психолингвистика, социолингвистика, лингвистика текста, теория речевых актов.

Благодаря этому значительно возросли требования к точности переводов. Исследования особого вида речевой деятельности, которую называют по-русски переводом, начали оформляться в самостоятельную лингвистическую дисциплину лишь с начала второй половины XX столетия.

Таким образом, лингвистическая наука о переводе еще очень молода. До сих пор она не имеет даже общепринятого названия. У разных исследователей можно найти, например, такие термины, как «переводоведение», «транслатология», «теория перевода».

Необходимость научного осмысления процесса перевода обуславливалась и задачей массовой подготовки переводчиков. Прошло время, когда переводами могли заниматься лишь особо одаренные люди, овладевшие умением переводить самостоятельно. Для удовлетворения огромной потребности в переводчиках во многих странах были созданы переводческие школы, факультеты, институты, перед которыми стояла задача обеспечить в установленный срок подготовку значительного контингента переводчиков достаточно высокой квалификации.

Осуществление массовой подготовки переводческих кадров обнаружило недостаточность традиционной формулировки квалификации переводчика, которая гласила: «Для того, чтобы переводить, необходимо знание двух языков и предмета речи». Оказалось, что факторы, указанные в этой формулировке, сами по себе не обеспечивают умения переводить квалифицированно. Надо не просто знать два языка — надо знать их «по-переводчески», т. е. в сочетании с правилами и условиями перехода от единиц одного языка к единицам другого. Теория перевода стремится выяснить, как происходит переход от оригинала к тексту перевода, какие закономерности лежат в основе действий переводчика.

Однако прежде, чем охарактеризовать современное состояние перевода, возникает необходимость дать определение самому термину "теория перевода" и обозначить некоторые другие важные понятия, тесно связанные с этим термином. Их четко обозначил отечественный теоретик и практик перевода В. Н. Комиссаров.

В своей работе он пишет: «В широком смысле термин «теория перевода» противопоставляется термину «практика перевода» и охватывает любые концепции, положения и наблюдения, касающиеся переводческой практики, способов и условий ее осуществления, различных факторов, оказывающих на нее прямое или косвенное воздействие. При таком понимании «теория перевода» совпадает с понятием «переводоведение» (Комиссаров, 1990: 17).

В более узком смысле «теория перевода» включает лишь собственно теоретическую часть переводоведения и противопоставляется его прикладным аспектам.

Перевод - это сложное многогранное явление, отдельные аспекты которого могут быть предметом исследования разных наук. В рамках переводоведения изучаются психологические, литературоведческие, этнографические и другие стороны переводческой деятельности, а также

Отдельные виды переводоведения дополняют друг друга, стремясь к всестороннему описанию переводческой деятельности (Комиссаров, 1990).

Рис. 1.1 Карта пересечения науки перевода с другими дисциплинами
(Natim, 2005: 8)

Общая теория перевода - раздел лингвистической теории перевода, изучающий наиболее общие лингвистические закономерности перевода, независимо от особенностей конкретной пары языков, участвующих в процессе перевода, способах осуществления этого процесса и индивидуальных особенностей конкретного акта перевода. Положения общей теории перевода охватывают любые виды перевода любых оригиналов с любого исходного языка на любой другой язык.

Теория перевода ставит перед собой следующие основные задачи:

1) раскрыть и описать общелингвистические основы перевода, т.е. указать, какие особенности языковых систем и закономерности функционирования языков лежат в основе переводческого процесса, делают этот процесс возможным и определяют его характер и границы;

2) определить перевод как объект лингвистического исследования, указать его отличие от других видов языкового посредничества;

3) разработать основы классификации видов переводческой деятельности;

4) раскрыть сущность переводческой эквивалентности как основы коммуникативной равноценности текстов оригинала и перевода;

5) разработать общие принципы и особенности построения частных и специальных теорий перевода для различных комбинаций языков;

6) разработать общие принципы научного описания процесса перевода как действий переводчика по преобразованию текста оригинала в текст перевода;

7) раскрыть воздействие на процесс перевода прагматических и социолингвистических факторов;

8) определить понятие «норма перевода» и разработать принципы оценки качества перевода»

Итак, исходя из вышеизложенного теория перевода – это дисциплина, охватывающая любые концепции, наблюдения и положения, касающиеся практики перевода, имеющая под собой различные направления в зависимости от предмета исследования и, которая ставит перед собой конкретные задачи (Комиссаров, 1990).

В современном мире перевод выполняет главную функцию в процессе межкультурной коммуникации, позволяя человечеству преодолевать трудности в аккумуляции полезной и необходимой информации, объем и многообразие которой возрастают быстрыми темпами.

Однако же, на протяжении многих веков своего становления переводоведение, будучи дисциплиной объяснительной и описательной,

базировалась в основном на практиках перевода Библии и некоторого количества философских и естественнонаучных трудов, а позже – литературных произведений. «Первыми теоретиками перевода были сами переводчики, стремившиеся обобщить свой собственный опыт, а иногда и опыт своих братьев по профессии» (Паршин, 1999: 31).

Переводчики-практики поясняли свои приемы и решения и старались оправдать их выбор, основываясь на индивидуальном понимании степени ориентированности на текст оригинала или текст перевода – «лояльности» или «предательства», свободы или буквализма. Представители современной западной и российской науки о переводе продолжают оперировать данными терминами, понимая свободный и буквальный перевод следующим образом:

«Буквальным переводом называется перевод, осуществляемый на более низком уровне, чем тот, который достаточен для передачи неизменного плана содержания при соблюдении норм языка на который делается перевод» (Бархударов, 1969: 112).

«Вольный перевод — это перевод, характеризующийся привнесением тематических и стилистических элементов, которыми оригинал не обладает, и опущением тех элементов, которые существенны для оригинала как поэтического произведения» (Христофорова, 2005: 40).

Следует помнить о том, что буквальный перевод, как правило, приводит к искажению смысла, а свободный перевод уводит переводчика от текста оригинала, описательный же перевод помогает переводчику.

Переводу как академической дисциплине чуть более 50 лет, и большую часть этого времени его достижения использовались, прежде всего, в дидактических целях – для обучения иностранному языку с применением коммуникативного подхода.

Хотя за последние годы в изучении переводческой деятельности достигнуты несомненные успехи, в целом теория перевода все еще находится в процессе становления. Для современного этапа развития этой теории характерно стремление объединить данные отдельных исследований в

рамках широких общетеоретических концепций, поэтому особое внимание уделяется методологическим основам переводоведения. Можно заметить, что методологическая проблематика теории перевода рассматривается в настоящее время в более конкретном научном плане, чем раньше.

Современная теория перевода появилась в начале второй половины XX в. как особое научное направление. С тех пор прошло более 50 лет – период, весьма недолгий в истории деятельности, которая исчисляется тысячелетиями. Однако для теории перевода этот период оказался плодотворней, чем все предшествующие тысячелетия, на протяжении которых люди использовали перевод в межъязыковой коммуникации, задумывались и спорили о сущности, принципах и закономерностях перевода, не пытаясь создать теорию этого объекта.

«Вся история современной науки о переводе укладывается в рамки творческой жизни всего лишь одного поколения. На фоне стремительного развития этой науки в весьма короткий исторический период взгляды на перевод отдельных исследователей естественным образом эволюционировали. Параллельные разыскания, осуществлявшиеся разными переводческими школами, иногда приводили к тому, что об одних и тех же явлениях высказывались аналогичные суждения, но в иных терминах. Поэтому, анализируя современное состояние теории перевода, следует, прежде всего, воздерживаться от каких бы то ни было ярлыков и безапелляционных суждений о взглядах и теоретических построениях тех или иных исследователей» (Любимов, 1982: 72).

Начало бурного развития современной теории перевода связывают с 50-ми гг. XX в. не случайно. Толчком для ее развития послужили резкие изменения в переводческой практике, произошедшие в середине прошлого века и соответственно общественный интерес к этой деятельности.

Одной из главных причин этих изменений оказалась Вторая мировая война и прямо или косвенно связанные с ней последующие политические события. Война вызвала перемещение по всему миру огромных

многоязычных человеческих потоков. В большинстве случаев эти перемещения требовали языкового посредничества. Переводчиками поневоле становились люди, мало-мальски владевшие языками других народов. Таким образом, в сферу перевода вовлекалось огромное количество людей самых разных национальностей, ранее даже не задумывавшихся о том, что такая деятельность существует и как она осуществляется. Многие выдающиеся филологи, литераторы, журналисты, до того имевшие опыт перевода художественной, научной, общественно-политической литературы, оказались вовлеченными в сферу совсем иного вида перевода - военного. Русские, немцы, англичане, американцы, французы, итальянцы, японцы и представители Других национальностей, говорившие на разных языках мира, став военными переводчиками, столкнулись с непривычными условиями перевода, с новыми для них речевыми жанрами и типами текстов, новыми регистрами языка, а также с особыми требованиями к переводу. Они смогли иначе оценить такие основополагающие категории теории перевода, как адекватность, эквивалентность, верность, точность, вольность, буквальность и т.п. Востребованность переводческих кадров потребовала ускоренной и интенсивной подготовки молодых специалистов.

«Вторая мировая война закончилась Нюрнбергским судебным процессом над нацистскими военными преступниками, проходившим в Международном военном трибунале в 1945-1946 гг. Именно с этого момента начинает регулярно практиковаться новая форма устного перевода - синхронный перевод. Нюрнбергский процесс считается официальным временем рождения синхронного перевода» (Звягинцев, 2011: 2).

После Второй мировой войны возникают новые международные организации, самые мощные и авторитетные из которых - Организация Объединенных Наций (1945), ЮНЕСКО (1946) - объединили многие страны мира. На заседаниях этих международных организаций синхронный перевод становится основной формой обеспечения межъязыкового общения.

В условиях «холодной войны», начавшейся почти сразу после Второй мировой, создаются военно-политические блоки: в 1949 г. - НАТО (Организация Североатлантического договора), Организация Варшавского договора и др., объединившие народы многих стран мира.

«Все эти международные обмены, независимо от их целей и значимости для истории, повлекли за собой бурный рост переводческой деятельности, для выполнения которой нужно было подготовить огромное число переводчиков. Перевод вышел за пределы кустарничества и постепенно приобрел статус массовой профессии. Интенсивная подготовка профессиональных переводчиков иногда в очень сжатые сроки показала необходимость глубокого теоретического осмысления основных проблем перевода как интеллектуальной деятельности особого рода. Теория перевода становится теоретической базой для разработки эффективных методик обучения профессиональному переводу.

Таким образом, она тесно смыкается с методикой обучения иностранным языкам, обращаясь к категориям, традиционно изучавшимся в русле лингводидактики, в частности, к категориям речевой деятельности, интерференции, фоновых знаний» (Федоров, 1953: 56).

Вторая половина XX в. ознаменовалась выходом в свет, как у нас, так и за рубежом множества работ по теоретическим проблемам перевода, составивших основу современной науки о переводе. Образуются мастерские и общества, посвященные переводу (такие, например, как группа Translation Studies, к которой причисляет себя Сьюзен Баснет-МакГуайр), проводятся симпозиумы (напр., Всесоюзный симпозиум по актуальным проблемам теории художественного перевода, International Colloquium on Literature and Translation, Nobel Symposium), выходят многочисленные сборники статей и периодические издания (напр., «Тетради переводчика» и «Мастерство перевода» в СССР, «Translated!» и «Babel» за рубежом, и др.), открываются новые направления в переводе, осваиваются новые методики его изучения.

Подвергаются уточнению термины, такие, как сам термин «перевод», «адекватный перевод», «функциональное соответствие» и т.д.

В отечественной науке о переводе поворотным моментом стала книга А.В. Федорова «Введение в теорию перевода», в которой впервые давалось аргументированное определение теории перевода как преимущественно лингвистической дисциплины. Федоров признавал, что перевод можно рассматривать и в плоскости других дисциплин, в частности истории культуры и литературы, психологии (Федоров, 1952).

Поскольку практика в переводе всегда опережала теорию, многие исследователи вносят свой вклад в развитие теории перевода своей практической работой. Существует множество изданий, в которых авторы делятся своим опытом переводчиков и редакторов (напр., книги Н. Галь (Галь, 2001), С. Флорина (Флорин, 1980), Н. Любимова (Любимов, 1982); разделы, посвященные практике перевода, в различных периодических изданиях) или дают критические обзоры существующих переводов (Н. Галь, К. Чуковский), формулируя не обобщенные теоретические принципы, а практические советы, прилагаемые к конкретным задачам, с которыми сталкивается переводчик.

В настоящее время все исследователи сходятся на том, что идти путем буквального перевода для создания целостного текста на языке перевода бессмысленно. Большинство ученых, занимающихся проблемами перевода, подчеркивают необходимость создания текста, функционально (а не формально) эквивалентного оригинальному, например Ю. Найда пишет, что «адекватным ему кажется такой перевод, который ориентирован на «динамическую эквивалентность» в отличие от буквального совпадения текстов на разных языках, при этом основное внимание обращено на отклик читателя/слушателя - *receptor response*» (Найда, 1978: 35).

При этом не подвергается сомнению то, что, прежде чем создавать такого рода текст на языке перевода, необходимо всесторонне исследовать

оригинал, выявить в нем главное и второстепенное, понять, что нужно сохранить в переводе в первую очередь, а чем можно пожертвовать.

В этой связи стоит упомянуть, что до сих пор продолжается дискуссия по поводу того, считать ли перевод творчеством или научным процессом, который нужно описывать в строгих формулах. Вот что пишет по этому поводу А. Д. Швейцер: «Одним из наиболее острых вопросов является вопрос об отношении теории перевода к языкознанию и литературоведению» (Швейцер, 1988: 109). Дело в том, что в печатных выступлениях некоторых специалистов в области художественного перевода попытки создания лингвистической теории перевода объявлялись «проповедью формализма», несовместимого с законами художественного творчества». Оспаривая такую точку зрения, А. Д. Швейцер пишет, что перевод не отличается от любого другого акта речевой деятельности, и потому не приходится «говорить о большей свободе творчества в области перевода по сравнению с другими ее видами, а следовательно - лингвистический подход к нему вполне обоснован» (Швейцер, 1988: 111).

«Естественная связь перевода с языком, с речевой деятельностью, с ее продуктом – текстами, составляющими материальную оболочку этой деятельности, т.е. тем, что можно реально подвергнуть анализу, привело к тому, что зародившаяся теория перевода, все более отдаляясь от литературоведения и литературной критики, испокон веков, обсуждавших проблемы перевода и переводной литературы, стала рассматриваться как сугубо лингвистическая дисциплина, точнее, как одна из прикладных отраслей языкознания. Возникла так называемая «лингвистическая теория перевода», в основу которой были положены основные постулаты современной лингвистической науки.

Разочарование в возможностях машинного перевода и представление об «исчерпанности» лингвистической переводческой проблематики на некоторое время охладили интерес лингвистов к проблемам перевода» (Федоров, 1953: 205).

Но это ослабление исследовательского интереса к переводу было недолгим. В настоящее время вновь оживился интерес исследователей к теоретическим проблемам перевода. Свидетельством тому является публикация новых монографий, сборников статей, учебников и учебных пособий по переводу. 1999 г. после десятилетнего перерыва возобновилась публикация научно-теоретического сборника «Тетради переводчика». Союз переводчиков России начал выпускать периодическое издание теоретической и практической направленности «Мир перевода». Известные переводчики, которым уже надоело «перелагать чужие мысли», сами становятся писателями-мемуаристами. Похоже, что мы наблюдаем очередной бум переводческой проблематики в научных исследованиях, изучающих речевую коммуникацию».

Параллельно с этим в лингвистике все более прочные позиции завоевывала компаративистика и контрастивный анализ (сопоставительная лингвистика), что нашло свое отражение в ряде значимых научных трудов Ж.-П. Вине, Ж. Дарбельне, Ж. Мунэна, Ю. Найды, Дж.К. Кэт-форда.

Так, французский языковед и теоретик перевода Жорж Мунэн рассматривает современные концепции о языке, которые ставят под сомнение саму возможность перевода. Он объединяет лингвистические препятствия для перевода в три группы: специфичность семантики языковых знаков, несовместимость «картин мира», создаваемых языком для отражения внеязыковой реальности, и различия в самой этой реальности, в культуре и цивилизации носителей разных языков. Детальному анализу также подвергаются проблемы перевода, связанные со структурой лексического состава языка, его картиной мира и множественностью культур, и дополняются рассмотрением синтаксических аспектов перевода. Ученый раскрывает новые возможности для лингвистического подхода к переводу и для успешного теоретического изучения перевода с помощью лингвистических терминов и понятий (Комиссаров, 1999).

В 1972 г. Джеймс Холмс на заседании секции перевода III Международного конгресса прикладной лингвистики в Копенгагене (Дания) заявил о необходимости смены фокуса и изучения перевода в рамках интегрированного подхода. Признавая всю важность инициативы Дж. Холмса, нельзя отрицать очевидного факта, что и практика перевода, и попытки ее «теоретизирования» всегда находились под непосредственным влиянием господствующих лингвистических воззрений. Однако невозможно эффективно решать стоящие перед переводчиком задачи и креативно справляться с переводческими проблемами, базируясь только на основе объяснения лингвистических алгоритмов перевода (Holmes, 1994).

В дополнение к лингвистическим трактовкам перевода стали появляться другие теории, которые сейчас получают все большее распространение и признание. Многие из них базируются на коммуникативно-функциональном подходе, в соответствии с которым при переводе учитываются не только специфика текстов оригинала и перевода, но и факторы экстралингвистического (прагматического) характера, связанные с личностными особенностями коммуникантов (автора исходного сообщения, получателя перевода, переводчика), а также то воздействие, которое тексты оказывают на адресатов. В рамках данного подхода переводческие проблемы рассматриваются применительно к конкретной коммуникативной ситуации, в которой осуществляется перевод, с учетом цели осуществления перевода и ожиданий получателя перевода. Задача переводчика заключается в достижении той цели перевода, которая определяется инициатором/заказчиком перевода и условиями ситуации двуязычной коммуникации. При этом тексты оригинала и перевода являются инструментами коммуникации, инструментами интенционального коммуникативного воздействия на получателя сообщения.

Большое влияние на формирование коммуникативно-функционального подхода к переводу оказали идеи американского ученого Юджина Найды, в частности, его предложение различать два вида эквивалентности –

формальную и динамическую. Формальная эквивалентность ориентирована на оригинал, а динамическая ориентирована на реакцию рецептора и направлена на обеспечение адекватного воздействия на читателя перевода. По мнению Ю. Найды, задачей перевода является создание на языке перевода эквивалента, наиболее близкого тексту оригинала, и эта наибольшая близость определяется одинаковой реакцией рецепторов перевода и рецепторов оригинала (Nida, 1964).

Важный вклад в разработку коммуникативно-функционального подхода к переводу внесли представители Лейпцигской переводоведческой школы О. Каде, Г. Йегер и др. Отто Каде рассматривает перевод как важнейшую часть двуязычной коммуникации, в процессе которой переводчик выполняет функцию получателя сообщения на языке-источнике (ИЯ), функцию перекодировующего звена и функцию отправителя сообщения на языке перевода (ПЯ). Ученый делает акцент на оценку комплексного воздействия текста перевода в условиях конкретной коммуникативной ситуации и особо подчеркивает важность анализа коммуникативной ситуации (цели, предмета коммуникации, отправителя, получателя, средств коммуникации и условий передачи информации). Герт Йегер исходит из того, что перевод должен быть коммуникативно эквивалентен оригиналу, что означает: оба текста должны быть одинаково коммуникативно значимы, то есть должны вызывать одинаковые мыслительные образы в сознании коммуникантов. Он приходит к выводу о том, что коммуникативная эквивалентность перевода заключается в сохранении общей части коммуникативной значимости оригинала для своих адресатов (Комиссаров, 1999). По мнению В.В. Сдобникова, важным в концепции Г. Йегера является то внимание, которое уделяется фактору адресата в переводе, поскольку учет познавательных возможностей адресата перевода, его фоновых знаний и знание о коммуникативной ситуации являются основополагающим фактором при коммуникативно-функциональном подходе к переводу (Сдобников, 2009).

Параллельно с учеными Лейпцигской школы концепцию коммуникативно-функционального подхода к переводу разрабатывали также переводоведы Западной Германии, среди которых выделяются Катарина Райс и Ганс Фермер, чья заслуга состоит в разработке теории, известной как скопостеория (скопос – от греч. «цель»). В их теории особое внимание уделяется цели, ради которой осуществляется перевод, установлению связи между целью перевода и функцией переводного текста. Для скопостеории приоритетным становится текст перевода, продукт переводческой деятельности, создаваемый с определенной целью и удовлетворяющий определенные потребности потребителей данного продукта. Цели перевода могут быть самыми разными, и соответствующие им тексты перевода могут принципиально отличаться друг от друга. Исследователи считают, что, исходя из поставленной задачи, переводчик должен выбрать способ перевода либо воспроизводящий оригинал, либо отклоняющийся от оригинала, либо пренебрегающий им. Таким образом, переводчик становится центральной фигурой межъязыковой и межкультурной коммуникации.

Распространению и внедрению коммуникативно-функциональной концепции перевода в современном российском научном и образовательном пространстве способствует ее широкая популярность в европейских переводческих школах, активное сотрудничество российских и европейских теоретиков перевода, практикующих переводчиков, преподавателей перевода, а также сопряженные с интеграцией и глобализацией требования унификации и стандартизации. По мнению В.Н. Комиссарова, скопостеория «открывает новое направление исследований, охватывает весь спектр функций, выполняемых переводчиком, ставит задачу описания различных целей переводческой деятельности, подчеркивает важность и престижность работы переводчика» (Комиссаров, 1999).

Положения скопостеории нашли свое отражение в российском переводоведении, в частности, в работах В.В. Сдобникова, который детально разрабатывает понятия перевода и коммуникативной ситуации с точки

зрения коммуникативно-функционального подхода. Исследователь рассматривает перевод как посредническую деятельность, удовлетворяющую коммуникативные потребности людей в рамках их предметной (производственной или познавательной) активности, обеспечивающую их взаимодействие в самых разнообразных условиях. По мнению В.В. Сдобникова, «перевод как деятельность и как результат этой деятельности помещается в рамки определенной коммуникативной ситуации, в которых он выполняет функцию (или функции), определяемую целью перевода. Цель перевода также определяет и всю структуру действий переводчика по созданию текста перевода» (Сдобников, 2009).

Понятие «коммуникативно-функциональный подход» в российском переводоведении впервые было использовано З.Д. Львовской, которая утверждала, что процесс перевода в целом остается процессом восприятия и порождения речи. Основной проблемой данного подхода оказывается разграничение соотносимых понятий языкового значения и речевого смысла. Суть деятельности переводчика определяется его ключевым положением в цепочке многократного перекодирования информации, составляющей основу процесса двуязычной коммуникации: смысл – значение – смысл – значение – смысл. В качестве основного оперативного принципа процесса перевода и, соответственно, главного критерия адекватности текстов перевода и оригинала З.Д. Львовская рассматривает принцип коммуникативно-функциональной равнозначности текстов ИЯ и ПЯ (Львовская, 2007).

В российском переводоведении коммуникативно-функциональный подход опирается на идеи А.Д. Швейцера, который утверждал, что при переводе предполагается «установка на передачу коммуникативного эффекта первичного текста, частично модифицируемая различиями между двумя языками, двумя культурами и двумя коммуникативными ситуациями». (Швейцер) Однако межкультурные различия между участниками коммуникации, говорящими на разных языках, не позволяют достичь полного совпадения коммуникативных эффектов, производимых текстом

оригинала и перевода. Следовательно, задачей переводчика становится создание текста на ПЯ, который производил бы коммуникативный эффект, схожий с коммуникативным эффектом оригинала. Если переводчику это удастся, значит, он реализует коммуникативную интенцию автора. В рамках данного подхода А.Д. Швейцер определяет перевод как «однонаправленный и двухфазный процесс межъязыковой и межкультурной коммуникации, при котором на основе подвергнутого целенаправленному (“переводческому”) анализу первичного текста создается вторичный текст (метатекст), заменяющий первичный в другой языковой и культурной среде; процесс, характеризуемый установкой на передачу коммуникативного эффекта первичного текста, частично модифицируемый различиями между двумя языками, между двумя культурами и двумя коммуникативными ситуациями» (Швейцер, 1998).

Длительный период индивидуальных поисков и озарений, интуитивных технологий и концептуальных разочарований, присущих переводческой практике, окончился формированием науки о теории перевода. Её становление в России носило острый полемический характер. Даже краткий обзор современной литературы по этому вопросу свидетельствует о существовании разнообразных моделей, которые сформировались на определённых этапах развития этой науки, и аспектах преимущественного рассмотрения материала, однако совершенно очевидно, что ни одна из них не может претендовать на то, чтобы занять ведущее положение. Во-первых, это обусловлено характером перевода: он, как правило, не осуществляется по одной единственной модели, а во-вторых, логическим основанием самой модели: ни одна из них не является полной и не исчерпывает всех свойств объекта. «В науке мы каждый раз при моделировании вычленим определённые свойства объекта, оставляя другие вне своего рассмотрения» (Леонтьев, 1997). Отсюда следует, что первоочередная задача теории перевода заключается не столько в сравнительно-оценочном изучении существующих моделей, сколько в

способности предвидеть, какой аспект переводческой проблематики может помочь разрешить каждая новая парадигма знаний.

1.2. Основные классификации приемов перевода

Несмотря на относительно молодой возраст теории перевода или переводоведения как науки, в настоящее время существует множество работ, посвященных переводческим трансформациям. И это неудивительно, поскольку данный аспект является одним из центральных, и знание его теоретических основ чрезвычайно важно в работе любого переводчика. Однако следует отметить, что специалисты в области теории перевода так до сих пор и не пришли к общему мнению относительно самой сущности понятия трансформации. Этим и объясняется большое количество классификаций, предложенных учеными, отличающихся друг от друга. Рассмотрим более подробно некоторые отдельные классификации переводческих трансформаций, предложенные различными авторами.

В первую очередь важно уточнить смысл, вкладываемый в понятие «переводческая трансформация». Существуют определения, предложенные Л. С. Бархударовым, Р. К. Миньяр-Белоручевым, Я.И. Рецкером, А. Д. Швейцером, В. Е. Щетинкиным, Л. К. Латышевым, В. Н. Комисаровым, В. Г. Гаком и другими. Однако основополагающим принято считать определение Л. С. Бархударова, поскольку оно наиболее точно отражает сущность вопроса. В целом, исходя из определений, делаем вывод, что переводческие трансформации – это межъязыковые преобразования, перестройка элементов исходного текста, операции перевыражения смысла или перефразирование с целью достижения переводческого эквивалента (Бархударов, 1975). А теперь перейдем к анализу классификаций переводческих трансформаций предлагаемых различными учеными.

А. М. Фитерман и Т. Р. Левицкая выделяют три типа переводческих трансформаций:

– Грамматические трансформации. Сюда относятся следующие приемы: перестановки, опущения и добавления, перестройки и замены предложений.

– Стилистические трансформации. К данной категории можно отнести такие приемы, как синонимические замены и описательный перевод, компенсация и прочие виды замен.

– Лексические трансформации. Здесь нужно говорить о замене и добавлении, конкретизации и генерализации предложений, а также об опущении (Левицкая, 1976).

Следующий ученый, А. Д. Швейцер, предлагает делить трансформации на четыре группы.

1) Трансформации на компонентном уровне семантической валентности подразумевают применение различного рода замен. Например, замена морфологических средств лексическими, другими морфологическими, синтаксическими или фразеологическими и прочие.

2) Трансформации на прагматическом уровне заключаются в следующих приемах: переводческие компенсации, замена тех или иных стилистических средств прочими, замена аллюзий (реалий) на аналогичные, а также интерпретирующий, поясняющий перевод и переводческие компенсации.

3) Трансформации, осуществляющиеся на референциальном уровне - это конкретизация (или гипонимическая трансформация), замена реалий (интергипонимическая трансформация), а также перевод с помощью реметафоризации (синекдохическая трансформация), метонимической трансформации, реметафоризации (замены одной метафоры другой), деметафоризации (замены метафоры ее антиподом - неметафорой). Сюда же относится та или иная комбинация названных трансформаций и трансформации комплексные (например, конверсивные).

4) Трансформации на уровне **стилистическом** – компрессия и расширение. Под компрессией подразумевается эллипсис, семантическое стяжение, опущение избыточных элементов и лексическое свертывание (Швейцер, 1973).

Я. И. Рецкер, напротив, называет лишь два типа трансформаций. Этот лингвист говорит о таких приемах их воплощения, как: (Рецкер, 2007)

– **Грамматические** трансформации в виде замены частей речи или членов предложения.

– **Лексические** трансформации заключаются в конкретизации, генерализации, дифференциации значений, антонимическом переводе, компенсации потерь, возникающих в процессе перевода, а также в смысловом развитии и целостном преобразовании.

Анализ названных лингвистических взглядов позволяет сделать такой вывод, что каждый из названных ученых (как практиков, так и теоретиков) имеет свою точку зрения по вопросу трансформаций. Например, три вида усматривают А. М. Фитерман и Т. Р. Левицкая – стилистические, грамматические, лексические трансформации. Лингвист А. Д. Швейцер ведет разговор не о видах, но об уровнях, позволяющих воспользоваться приемами трансформации. При этом он считает, что на стилистическом уровне могут иметь место как грамматические, так и лексические трансформации. То есть на одном уровне могут иметь место разные виды трансформаций.

Однако все исследователи демонстрируют одинаковый набор приемов реализации трансформаций переводческого плана. Так, разнообразные замены – грамматические, реалий и др., генерализация и компенсация встречаются во всех работах. Если проследить за этим по конкретным примерам, то становится очевидно, что Я. И. Рецкер, А. М. Фитерман, Т. Р. Левицкая относят приемы конкретизации и генерализации к лексической разновидности трансформаций. А. Д. Швейцер дает понятиям другие названия – гипонимическая и гиперонимическая трансформации – и обозначает, что их уровнем является референциальный. А. М. Фитерман и Т.

Р. Левицкая относят прием компенсации к стилистической разновидности. Рецкер – к лексической, а А. Д. Швейцер – к прагматическому уровню.

Названные расхождения соседствуют с явными сходствами всех перечисленных концепций. Так, все лингвисты заявляют о том, что деление трансформаций на типы и виды – это условность. Связано это с тем, что некоторые трансформации практически не встречаются вне сочетания с прочими трансформациями, то есть не в чистом виде. Именно этот момент роднит данные классификации.

Но существуют и другие точки зрения. Например, Р. К. Миньяр-Белоручев называл три вида трансформаций:

- лексические,
- грамматические,
- семантические.

К первому виду он относил приемы генерализации и конкретизации; ко второму – пассивизацию, замену частей речи и членов предложения, объединение предложений или их членение; к третьему – метафорические, синонимические, метафорические замены, логическое развитие понятий, антонимический перевод и прием компенсации (Миньяр-Белоручев, 1996).

Концепция В. Н. Комиссарова сводится к таким видам трансформаций, как лексическая и грамматическая, а также комплексная. Говоря о лексических трансформациях, он называет транслитерацию, переводческое транскрибирование, калькирование, некоторые лексико-семантические замены. Например, модуляцию, конкретизацию и генерализацию. В качестве грамматических трансформаций выступают дословный перевод (или синтаксическое уподобление), грамматические замены (замены членов предложения, форм слова, частей речи) и членение предложения. Комплексные трансформации также можно именовать лексико-грамматическими. Сюда относятся экспликация (по-другому, описательный перевод), антонимический перевод и компенсация (Комиссаров, 1982).

Л. С. Бархударов, известный лингвист, называл четыре типа преобразований (трансформаций), имеющих место в ходе работы над переводом. Это перестановки, замены, опущения и добавления.

Приемы, используемые при перестановке, - это изменение порядка расположения компонентов сложного предложения, а также изменение места слов и словосочетаний. К приемам замены Бархударов отнёс компенсацию, синтаксические замены в структуре сложного предложения, замену частей речи, компонентов предложения и словоформ, конкретизацию и генерализацию, членение и объединение предложения, замену причины следствием (и наоборот), антонимический перевод. Опущения и добавления имеют соответствующие типы трансформаций – опущение и добавление (Бархударов, 1975).

Необходимо также подчеркнуть, что в системе Л. С. Бархударова преобразования генерализации и конкретизации, происходящие на лексическом уровне, относятся к заменам, поскольку при этом происходит замена элемента языка исходного текста. А у В. Н. Комисарова эти же преобразования относятся к лексическим трансформациям. К заменам же, по Л. С. Бархударову, относятся такие трансформации как объединение и, наоборот, членение предложений, замены частей речи и членов предложения. В. Н. Комиссаров и Р. К. Миньяр-Белоручев относят подобные приемы к типу грамматических преобразований.

Классификация переводческих трансформаций у В. Н. Комисарова и Р. К. Миньяр-Белоручева не совпадает по всем пунктам. Так, например, В. Н. Комиссаров считает антонимический перевод и компенсацию комплексными преобразованиями, а Р. К. Миньяр-Белоручев относит вышеуказанные приемы к семантическим трансформациям. Для сравнения, Л. С. Бархударов относит антонимический перевод и компенсацию также к заменам.

Однако, в целом, каждый из ученых, классифицируя переводческие преобразования, разделяя их на типы по своему мнению, имеет дело с одними и теми же явлениями.

Авторы совместного труда, А. Б. Шевнин и Н. П. Серов, в своей классификации выделяют два основных типа переводческих преобразований:

– лексические трансформации, к которым они относят такие способы как, компенсация, антонимический перевод, конкретизация, замена причины следствием и генерализация.

– грамматические трансформации, к которым они относят опущения, перестановки, добавления и транспозиции (Серов, 1979).

В отличие от них, Л. К. Латышев выделяет шесть типов переводческих преобразований: (Латышев, 1988)

1) Лексические преобразования. К данному типу ученый относит замены лексем синонимами, зависящими от контекста.

2) Стилистические преобразования. В данном случае происходит трансформация стилистической окраски слова, подвергаемого переводу.

3) Морфологические преобразования. Сюда относится преобразование одной части речи в другую или замена ее несколькими частями речи.

4) Синтаксические преобразования. К ним исследователь относит трансформацию синтаксических конструкций (слов, словосочетаний и предложений), изменение типа придаточных предложений, изменение типа синтаксической связи, трансформацию предложений в словосочетания и перестановку придаточных частей в сложноподчиненных и сложносочиненных предложениях.

5) Семантические трансформации. В учебниках и монографиях по теории перевода это явление также именуется как «смысловое развитие». В данную графу Л. К. Латышев вписывает замены деталей-признаков.

6) Трансформации смешанного вида – это конверсная трансформация и антонимический перевод.

Следующий ученый, В. Е. Щетинкин, называет следующие разновидности переводческих трансформаций: (Щетинкин, 1987)

– лексические. Сюда включены конкретизация, антонимический перевод, амплификация, генерализация, смысловое согласование, адаптация, компенсация, экспликация.

– стилистические. Исследователь убежден, что данный вид переводческой трансформации располагает одним общим приемом, который называется модуляция.

– грамматические. В. Е. Щетинкин разделяет все трансформации данного типа на четыре подтипа. Среди них – перестановки, опущения, замены, добавления.

Среди французских специалистов в области лингвистики следует отметить Жана Дарбельне и Жана-Поля Вине. Они не говорят о разновидностях переводческих трансформаций. Эти ученые предлагают некоторые приемы, которые стоит использовать в ходе переводческой работы. Так, в процессе косвенного перевода смысл текста может искажаться либо вовсе исчезать, может наблюдаться изменение норм языка в сторону ухудшения. Связано это с тем, что осуществить прямой перевод в данной ситуации невозможно (Vinau, 1995).

Исходя из этого, Дарбельне и Вине выдвигают идею о двух группах технических приемов, используемых при переводе:

а) приемы прямого перевода. К ним относятся: дословный перевод калькирование и заимствование.

б) приемы косвенного перевода. Эквиваленцию (передача смысла предупредительных надписей, пословиц, афоризмов другими словами); транспозицию (замена одной части речи на другую); адаптацию (замена деталей сообщаемой истории прочими); модуляцию (изменение присутствующей точки зрения).

После рассмотрения точек зрения различных исследователей – отечественных и иностранных – можно сделать следующий вывод: авторы имеют единый взгляд на выделение некоторых типов переводческих трансформаций. Внимание лексическим трансформациям более всего

уделяют В. Е. Щетинкин, Л. К. Латышев, А. Б. Шевнин, Н. П. Серов. Грамматические трансформации имеют место в работах и исследованиях Н. П. Серова, В. Е. Щетинкина и В. Е. Шевнина. Таким образом, Латышев не поддерживает в определенных моментах эту точку зрения. Все грамматические трансформации он подразделяет морфологическую и синтаксическую группы. Далее он выделяет смешанные и семантические трансформации, которые не рассматриваются прочими исследователями (из числа упомянутых).

При этом В. Е. Щетинкин также говорит о стилистической разновидности трансформаций. Тогда как его коллеги (Шевнин и Серов) говорят лишь о грамматических и лексических преобразованиях.

Взгляды В. Е. Шевнина, Н. П. Серова и В. Е. Щетинкина схожи, так как грамматическими приемами они считают добавления, опущения, перестановки, а к лексическим относят антонимический перевод, конкретизацию, опущения, добавления, генерализацию, компенсацию. У исследователя Л. К. Латышева при этом можно найти лишь прием антонимического перевода, относящийся к такому виду трансформаций, как смешанные, а также прием перестановки (синтаксическая разновидность трансформации).

Названные французские лингвисты – Вине Жан-Поль и Дарбельне Жан рассматривают исключительно приемы, имеющие отношение к осуществлению разнообразных переводческих трансформаций. Все они делятся на приемы косвенного и прямого перевода.

Рассуждения о приеме модуляции, также именуемом как смысловое развитие (по Латышеву), можно найти в работах отечественных ученых – Л. К. Латышева и В. Е. Щетинкина, а также французских – Вине и Дарбельне.

Так, Ж.-П. Вине и Ж. Дарбельне относят этот тип трансформации к косвенному переводу, В. Е. Щетинкин причисляет его к стилистическому типу преобразований, а Л. К. Латышев считает, что прием модуляции – это семантический тип переводческой трансформации.

Прием адаптации, по классификации В. Е. Щетинкина, следует относить к лексическим преобразованиям, а по классификации по Ж.-П. Вине и Ж. Дарбельне к способам косвенного перевода.

Все рассмотренные классификации ученых-лингвистов включают в свою систему такой прием переводческой трансформации как замена частей речи. Ряд исследователей (Ж. Дарбельне, Ж.-П. Вине, Н. П. Серов, А. Б. Шевнин) называют данный тип преобразования транспозицией. Замену частей речи Ж. Дарбельне и Ж.-П. Вине, как и вышеуказанные приемы, относят к косвенному переводу, а Л. К. Латышев причисляет транспозицию к типу морфологических трансформаций.

Подводя итоги анализа различных классификаций переводческих преобразований советских, российских и зарубежных исследователей можно сделать вывод о том, что единой классификации типов переводческих трансформаций в современной лингвистической науке не существует. Создание единой классификации осложнено тем фактом, что разные лингвисты выделяют разное количество приемов переводческой трансформации.

1.3. Особенности перевода художественных произведений

Перевод художественной литературы (новеллы, эссе, фантастика, в. ч. научная фантастика, комедии, народные сказания и пр.) является одним из видов литературного творчества, в котором уже написанный текст на одном языке «пересоздается» на другом.

Существует обоснованное утверждение, что перевод поэзии является одним из наиболее сложных видов перевода. По мнению известного переводчика Р.К. Миньяр-Белоручева, к переводу поэтических произведений необходимо допускать только исключительно избранных. Данный вид

перевода не только активизирует мыслительную деятельность, художественный вкус, расширяет кругозор, но и углубляет знания как иностранного, так и русского языков (Миньяр-Белоручев, 1976). Однако, стоит согласиться и с тем, что переводчики сталкиваются с рядом трудностей также при переводе прозы.

Художественный стиль – пожалуй, наименее изученный из всех существующих стилей, поскольку он самый подвижный и творчески развивающийся. Художественный стиль не знает никаких преград на пути своего движения к новому, ранее неизвестному. Более того, новизна и необычность выражения становится условием успешной коммуникации в рамках этого функционального стиля.

В художественных произведениях затрагивается очень небольшой круг тем, в основном это жизнь, мысли человека, поиск пути и смысла жизни, однако количество художественных средств, используемых для описания этих тем практически безгранично. Кроме того, каждый писатель стремится не к тому, чтобы слиться со своими коллегами по перу, а напротив, выделиться, поведать нечто новое, заинтересовать читателя. И переводчик должен не просто сохранить содержание произведения, но и стиль, жанровый характер произведения, эстетику автора, средства художественного выражения, в том числе и формы стихосложения. Поэтому можно сказать, что переводчик сам должен стать писателем. Не всегда это возможно, поэтому и остаются до сих пор непознанными представителями других народов такие великие поэты, как А.С. Пушкин, Дж. Байрон или В. Гюго, но к этому следует стремиться (Миньяр-Белоручев, 1996).

В художественных текстах используется бесчисленное количество тропов и фигур речи, что и отличает данный стиль от других. И переводчик должен создать текст, максимально полно представляющий оригинал в иноязычной культуре. Среди критериев такого перевода, конечно, следует назвать сохранение по возможности большого количества тропов и фигур речи, как важную составляющую художественной стилистики того или иного

произведения. Кроме того, перевод должен указывать на эпоху создания оригинала.

В случаях, когда исходный язык и язык перевода принадлежат к разным языковым семьям, главной проблемой для переводчика-прозаика выступает поиск в родном языке таких выражений или слов, которые бы с максимальным уровнем точности соответствовали значениям переводимых единиц. Например, существуют некоторые слова, которые относятся к очень специфичным видам деятельности и являются тем «полем», где переводчик должен быть чрезвычайно осторожен. Довольно трудно поддаются переводу различные игры слов и двусмысленные каламбуры. Названия множества романов и историй наглядно иллюстрируют примеры таких двусмысленностей, которые трудно, а зачастую и просто невозможно перевести, не потеряв при этом частичку изначального оттенка значения.

Рис. 1.2 Процесс перевода

Многие убеждены, что перевод художественных произведений является одной из высших форм перевода, потому что это не просто перевод текста. Переводчик художественного текста должен обладать достаточным мастерством, чтобы суметь передать чувства, культурные особенности, юмор и другие, очень тонкие нюансы. По большому счету, так и есть: переводчик передает не значения слов, а то сообщение, которое они содержат в себе.

Именно поэтому к тексту следует относиться, как к целостной системе и рассматривать его в совокупности.

Можно сказать, что в художественном переводе язык имеет не только коммуникативное или социальное значение. Именно слово является ключевым ингредиентом в литературе, иначе говоря, заключает в себе наиболее важную функцию.

Изначально само слово "перевод" (translation) происходит от латинского *translatio*, которое в свою очередь можно разбить на *trans-* и *latum*, которые вместе значат: переносить, приносить. Образно говоря, переводить, значит – переливать смысл из одного сосуда в другой, равный первому (Kasperek, 1983). И возникло это понятие уже после появления самой литературы (Cohen, 1986).

Несмотря на то, что проза может транслировать как обыкновенную речь, так и глубоко обдуманную, не имея какой-то четкой структуры, слова в ней, находятся в своем «лучшем» порядке (Webster).

Перевод художественной литературы отличается от непосредственно написания этой литературы, потому что создание перевода будет зависеть от уже существующего переводимого объекта.

Процесс перевода художественного текста с одного языка на другой имеет многообразный и неоднозначный характер, связанный с множеством входящих в него компонентов и именно многомерностью этого процесса обусловлены расхождения в точках зрения на перевод и его особенности. В науке существует 3 вида письменного перевода:

1. **Пословный перевод** (буквальный или подстрочный). Это пословное воспроизведение исходного текста в единицах переводящего языка, по возможности, с сохранением даже порядка следования элементов. Такой перевод используется в основном как база для дальнейшей переводческой работы, также он используется в комментариях к непереводаемой игре слов или фразеологическим единицам.

2. **Дословный перевод** заключается в возможно более полной передаче контекстуального значения элементов исходного текста в единицах переводящего языка. Если синтаксическая структура переводимого предложения может быть выражена в переводе аналогичными средствами, дословный перевод рассматривается как окончательный вариант перевода без дальнейшей литературной обработки.

Однако подобное совпадение синтаксических средств двух языков встречается довольно редко; чаще всего при дословном переводе возникает нарушение синтаксических норм русского языка. Несмотря на это, он может применяться при первом, черновом этапе работы над текстом, ибо помогает понять структуру и трудные места подлинника. Затем, однако, при наличии конструкций, чуждых русскому языку, дословный перевод должен быть обязательно обработан и заменен литературным вариантом.

3. **Литературный, или художественный перевод** заключается в выборе такого пути передачи исходной информации, который приводит к переводному тексту с адекватным исходным воздействием на получателя. Главным объектом при таком способе перевода оказывается не столько языковой состав исходного текста, сколько его содержание и эмоционально-эстетическое значение. Причем такой перевод не допускает ни сокращений, ни упрощений исходного материала (Попович, 1980).

Поскольку синтаксические структуры русского и английского языков значительно расходятся, то очень сложно, и практически невозможно полностью передать подлинник.

Больше того, в интересах точности передачи смысла зачастую бывает необходимым при переводе прибегнуть к изменению структуры переводимого предложения в соответствии с нормами русского языка, т.е. переставить или даже заменить отдельные слова и выражения.

Возьмем, для наглядности, пример перевода на английский язык заголовка произведения «На дне» – «The Lower Depths».

С точки зрения передачи формы перевод далеко отошел от русского оригинала, но он точно доносит эмоциональное содержание названия, которое было бы утеряно при формально точной дословной передаче: «On the Bottom».

Таким образом, мы видим, что точная передача смысла оригинала нередко связана с необходимостью отказа от дословности, от попытки близкой передачи формы подлинника.

Выбирая тот или иной способ перевода, переводчик помимо всех прочих обстоятельств руководствуется еще и тем соображением, что в чистом виде какой-либо из способов в реальном переводческом процессе действует редко: как правило, большинство сложных текстов переводятся с применением различных способов, однако один из них является ведущим и определяет характер отношений между исходным и переводным текстом в целом, диктуя и условия членения исходного текста, и определение единиц перевода, а также выбор переводческих приемов, с помощью которых исходный текст непосредственно преобразуется в переводной.

Ученые определяют каждый перевод, в том числе и художественный, как воссоздание произведения, созданного на одном языке, средствами другого языка. В таком случае художественный перевод колеблется между двумя крайними принципами: дословно точный, но художественно неполноценный перевод и художественно полноценный, но далекий от оригинала, вольный перевод. Эти два принципа нашли отражения в двух основных точках зрения: определение перевода с лингвистической и литературоведческой позиций (Казакова, 2006).

Ключевые проблемы, с которыми сталкивается переводчик включают: нечеткое выражение мысли, отсутствующие пояснения, сложные грамматические конструкции, термины отдельных диалектов и неологизмы, расплывчатая терминология, аббревиатуры, непередаваемые элементы, культурные особенности и прочее. Ко всему прочему сюда можно добавить еще несколько моментов:

- 1) Зачастую слова в одном языке содержат в себе значения, которые на другой язык можно перевести только несколькими словами.
- 2) Некоторые грамматические частицы (времена глаголов, число, падеж и т. д.) могут отсутствовать в том или ином языке.
- 3) Многие устойчивые выражения из одного языка могут вызывать абсолютное недоумения для носителя другой культуры.

Что бы успешно справляться с подобными трудностями переводчик должен обладать определенными навыками и пользоваться особыми техниками, которые призваны ему помочь. Известный английский литератор, по совместительству один из самых плодовитых английских писателей начала XX века – Хилер Беллок (англ. Hillaire Belloc) предлагает несколько основных тезисов, которых должен придерживаться переводчик (Belloc, 1931).

Беллок предлагает рассматривать текст прозы как единое структурированное целое и в то же время переводить по частям. При таком подходе сложность перевода уменьшается и возрастает его качество. Кроме того переводчик должен не забывать о стилистических и синтаксических требованиях языка перевода. Многие теоретики перевода заявляют, что переводчик имеет право значительно изменять текст в процессе своей деятельности. В действительности же, переводчик имеет право умышленно, потому что в процессе перевода он должен придерживаться стилистических и идиоматических норм языка перевода. И если он будет следовать этому правилу, конечный читатель получит гораздо большее удовольствие от прочтения.

Переводчик художественных текстов прекрасно осознает, что не любой человек, знающий иностранный язык способен выполнить высокого качества перевод, только лишь потому, что он свободно говорит на другом языке. Способность, навыки и даже те ментальные процессы, присущие билингуам значительно отличаются от тех, которые необходимы профессиональному переводчику. В первую очередь переводчик-прозаик должен уметь читать,

понимать и вникать в мысли другого человека, а затем с максимальной точностью без упущений их передавать. В этом случае читатели смогут увидеть именно то, что хотел сказать автор оригинала.

Но несмотря на это переводчику не следует слишком переживать, если всё же часть значения теряется по причине того, что описываемая ситуация обладает элементами, чуждыми и несоответственными для территории носителей языка перевода. В большинстве случаев подобная ситуация может быть адекватно оценена лишь носителями языка оригинала.

В то время как перевод одновременно является и теорией, и практикой, переводчики, помимо трудностей, связанных с художественным переводом вынуждены не забывать о художественных особенностях текста, его особой стилистике. Стоит помнить, что стилистические маркеры в разных языках могут разительно отличаться. Когда речь идет обо всём тексте, просто невозможно передать каждый мини-посыл оригинала. Однако ключ заключается в поиске и подборе наиболее уместных эквивалентов.

Автору качественного перевода художественного произведения, как и писателю необходим не только обширный и богатый жизненный опыт, но и опыт языковой, который вырастает на почве наблюдений за родным языком и литературным языком своей страны. Основываясь на этом, формируется и его виденье мира, и даже определенная индивидуальность, заключающаяся в использовании тех или иных средств.

Одна из главных целей переводчика – понять, как мыслит переводимый им автор. Но такое понимание требует изысканий, находчивости, вживания, выдумки, остроты зрения, сопереживания, обоняния и слуха. Необходимо раскрыть творческую индивидуальность так, чтобы она не заслоняла своеобразие этого автора.

1.4. Перевод фразеологических единиц в художественных произведениях

Фразеология (от греч. *phrasis* выражение и *logos* слово, учение) — раздел языкознания, изучающий семантические, морфологосинтаксические и стилистические особенности фразеологизмов (устойчивых выражений и оборотов языка) в их современном состоянии и историческом развитии (Кунин, 1996: 202).

Пожалуй, основной чертой фразеологизмов является оценочность. Фразеологические единицы (далее ФЕ), как правило, имеют эмоционально-экспрессивную окрашенность и обладают переносными значениями. Именно в связи с этим фактом и возникает сложность при их переводе, когда возникает необходимость передать специфику фразеологического значения. По словам Н. А. Аникиной, «значение ФЕ будет зависеть от семантики, входящих в состав фразеологизма слов-компонентов, т. е. оно может быть понятно через семантику других знаков, но не прямо, как, например, в производном слове, а на основе ассоциативных связей» (Аникина, 2002: 4).

Однако, прежде чем приступать непосредственно к последующему анализу обозначенной проблемы следует дать фразеологической единице определение. Ф. В. Кунин определяет фразеологическую единицу следующим образом, это: – «устойчивое сочетание лексем с полностью или частично переосмысленным значением» (Кунин, 1984: 306). Е. Ф. Арсентьева под ФЕ понимает «раздельно оформленные единицы языка с полностью или частично переосмысленным значением». А в качестве релевантных признаков ФЕ отмечает устойчивость, семантическую осложненность, постоянство лексического состава, морфологическую и синтаксическую фиксированность, немоделируемость по схеме переменного сочетания слов (Арсентьева, 2006).

Очень часто ФЕ используются для обозначения явлений, процессов, предметов и свойств, которые не находят отражения в языковой лексической системе и помогают человеку обозначить и выразить все познанные им стороны действительности. Фразеологизмы имеющие, так называемый, лексический синоним, отличаются, как правило, в стилистике, однако их использование позволяет устранить сложность выражения вещей, которые с трудом поддаются обозначению за счет ограниченности лексических ресурсов языка.

Образование фразеологизмов в конкретном языке непосредственно связано с его историей и культурой. Именно поэтому, как правило, они связаны с национальными особенностями. В то же время, в некоторых языках, как, например, в английском, имеются как национальные, так и большое число интернациональных фразеологических единиц. Данный язык несет в себе уникальное богатство фразеологизмов – как родных, так и позаимствованных из других языков и культур, но родные в нем все же преобладают. Фразеологизм называют одной из языковых универсалий, являющейся высокоинформативным элементом языка. По этой причине, перевод фразеологизмов является важной составляющей проблем перевода и занимает в этом вопросе особое место. Многие классики отечественной литературы и публицисты предлагали свое видение перевода художественных произведений. Так А. Толстой предлагает переводить не слова и даже передавать не смысл, а впечатление. Н. Гоголь говорил, что нужно стараться уходить от слов оригинала умышленно, чтобы быть к нему ближе. По мнению К. Чуковского переводчику улыбку следует переводить улыбкой, а смех – смехом. А. Пушкин же призывал «перевыражать» переводчиком текст оригинала (Рецкер, 2007).

В науке перевода уделяется особое внимание фразеологии и сложность перевода фразеологических единиц, безусловно, довольно высока относительно других элементов. Многие специалисты в области перевода отмечают трудности перевода устойчивых выражений как характерные

признаки фразеологических единиц. Но, так или иначе, с ними приходится сталкиваться любому переводчику.

Приведем пример: выражение «a stalking horse», вполне, можно перевести как «предлог, отговорка», в то же время в английском языке оно имеет и другое значение – «подставное лицо, подсадная утка», что делает его неполным эквивалентом. Поскольку многозначность не характерна для фразеологии, такие случаи не многочисленны.

Общепринятая классификация ФЕ выглядит следующим образом:

1. Фразеологические выражения и фразеологические сочетания
2. Фразеологические единства (метафоры)
3. Фразеологические сокращения (идиомы)

Творчески использовал данный подход к классификации ФЕ в своей работе, теоретик и практик перевода Л. В. Федоров. Проанализировав основные лингвистические схемы, существовавшие на тот момент времени (1968 г.), он выявил, что разница между такими понятиями как национальные особенности и уровень мотивации не столь явна и требует подхода сходного с идиомами (Федоров, 1983). Другой отечественный переводчик Я. И. Рецкер также находил такую классификацию удобной для перевода и предлагал переводить фразеологические единства образно, а фразеологические сокращения - целиком преобразуя их (Рецкер, 1974).

Фразеологизмы обладают разнообразными стилистическими функциями. Проблемой изучения функций ФЕ занимались такие ученые как А. В. Кунин, Р. О. Якобсон, В. П. Жуков и др. В статье приводятся классификация функций, предлагаемая А. В. Овсянниковой, т. к. данная классификация обобщает все предложенные ранее классификации функционирования ФЕ. А. В. Овсянникова выделяет: субъективную оценочность, экспрессивность, эмоциональность, функционально-стилистическую маркированность (Овсянникова, 2012). Употребление ФЕ может быть, как узуальным (нормативным), так и окказиональным. Узуальное употребление фразеологизмов – это употребление ФЕ без какого-

либо отклонения от привычного их использования. Именно узуальная форма ФЕ зафиксирована в словаре. Окказиональную форму фразеологизма принято называть трансформацией ФЕ. И структура, и семантика фразеологических единиц могут подвергаться преобразованиям. Трансформация семантики фразеологизмов возможна потому, что они обладают внутренней формой. Возможность окказионального преобразования определяется также раздельнооформленностью ФЕ (Абдуллина, 2007).

Иногда, фразеологизмы, использующие образы, в разных культурах могут быть выражены совершенно по-разному, однако это не мешает им выполнять своих функций при переводе. Примером тому может быть выражение сходства: в то время как в России это – «две капли воды», в Англии скажут: «как две горошины», а в Германии – «два яйца». Объяснить такую возможность – выразить одну образную ФЕ с помощью другой, в то время как они, казалось бы, не имеют общего, можно тем, что носитель языка воспринимает их подсознательным образом.

Фразеологические единицы так же служат важным средством воплощения художественного образа, передачи национально-культурного колорита, повышения выразительности художественной информации. Разработка теоретических проблем в области изучения текстовых свойств фразеологизмов стала объектом многих лингвистических исследований (Е.В. Блинова, Е.Г. Доронина, А.И. Ефимов, Н.Н. Захарова, А.В. Кунин, А.М. Мелерович, М.А. Фокина, Л.Г. Юдина и др.). Необходимость и целесообразность всестороннего изучения функций ФЕ в текстообразовании обусловлена их категориальными системными свойствами: широкая семантическая основа, дающая ФЕ возможность соотноситься с многочисленными денотатами или ситуациями, глобальность номинации, образность, информативная емкость, семантическая и функциональная компликативность и особый способ выражения коннотаций, образующихся

на основе раздельнооформленности. Эти свойства ФЕ позволяют им реализовать разнообразные содержательные задачи языковой коммуникации.

Являясь сигналом реализации образно-оценочного потенциала текста, ФЕ очерчивает круг содержательных интерпретаций художественной информации, поскольку микротекст нередко представляет собой развертывание семантической структуры ФЕ. Отношения между текстом и ФЕ можно считать отношениями взаимной иррадиации. Текст прогнозирует и предопределяет появление ФЕ. В свою очередь ФЕ выполняет в тексте различные коммуникативные задания, служит средством когезии и интеграции текста и формирует экспрессивно-эмоциональную тональность повествования.

Стилистическое использование фразеологических оборотов писателем всегда является творческим. В художественных произведениях ФЕ встречаются как в неизменной, устоявшейся форме, так и в трансформированном виде, с новыми экспрессивно-стилистическими свойствами, с иным значением и структурой.

Целью любого перевода, в том числе художественного, является воспроизведение средствами переводящего языка всего того, что выражено на исходном языке. Способность языковых единиц быть коммуникативно равноценными определяется в первую очередь особенностями их употребления в речи, в дискурсе. Поэтому переводческие соответствия нельзя обнаружить прямым сопоставлением единиц в системах языков, участвующих в процессе перевода. Их необходимо извлекать из сравнения коммуникативно равноценных контекстов. С поиском переводческих соответствий ФЕ связаны особые и специфические проблемы. Следует подчеркнуть также, что именно фразеологизмы наиболее ярко отражают национальную специфику, содержат различные стилистические коннотации у «эквивалентных» слов разных языков.

При переводе художественных текстов сравниваются две культуры. В переводном тексте особенно трудно сохранить образность культуры

исходного языка и учесть ее особенности. Известно, что между предметом реального мира и словом, обозначающим этот предмет, стоит понятие, обусловленное культурой и видением мира данного речевого коллектива. Эта идея нашла отражение еще в трудах В. фон Гумбольдта: «Различие языка - это не различные обозначения одного и того же предмета, а разные видения его» (Гумбольдт, 1984: 17).

Стоит упомянуть и о таком аспекте, касающемся устойчивых единиц языка, как трансформация фразеологической единицы. Используется этот прием в первую очередь для повышения экспрессивности ФЕ. Фразеологическими трансформациями называются такие окказиональные изменения в форме и/или значении устойчивых сочетаний слов, которые позволяют сохранить единство фразеологизма, т.е. оставляют его узнаваемым (Ефонова, 2005). Изменения в структуре и значении фразеологических оборотов, как и образование новых языковых единиц с использованием структурно-семантических моделей уже существующих фразеологизмов или на основе входящих в их состав слов, в настоящее время находятся в поле зрения многих исследователей. Такие изменения фразеологических единиц (ФЕ) происходят как вследствие исторического развития языка, так и в результате окказионального преобразования фразеологизмов.

По мнению Л.А. Введенской (Введенская, 1989), авторское изменение фразеологизмов, с которыми мы встречаемся в художественной литературе и публицистике, сводится к трем основным типам, в которых большей частью представлена обобщенно-упрощенная версия классификации Н.М. Шанского (Шанский, 1996). Оба варианта типологии, несмотря на расхождения в отдельных пунктах, позволяют утверждать, что возможны следующие преобразования семантики и структуры фразеологизмов:

1. Изменение лексического состава при сохранении общего значения фразеологизма. Этот тип авторского варьирования дает наибольшие возможности для творческого видоизменения фразеологизмов.

В непролазных горестях любви. (Наровчатов)

(Во фразеологизме *непролазная грязь* опорное существительное замещено словом *горести*).

2. Изменение значения фразеологизма при сохранении лексического состава. Писатели довольно часто используют фразеологизмы в необычном для них окружении, сочетая их с такими словами, с которыми они обычно не сочетаются в речи. При этом смысл фразеологизма изменяется.

Спички были готовы *сгореть от стыда* за выпустившую их фабрику (Эмиль Краткий)

3. Изменение лексического состава и значения фразеологизма. Двустороннему изменению довольно часто подвергаются разложимые по смыслу фразеологизмы. В этом случае слово с несвободным значением расширяет свою сочетаемость, а замена слова со свободным значением изменяет общее значение фразеологизма.

Например, выражение *малиновый звон* означает «приятный, очень мягкий по тембру звон». Поэт В. Казин, сохраняя это значение слова *малиновый*, создает с ним новое сочетание

Звени, звени, гуди, гуди,
Малиновое сердцебиение!

Однако, существует еще одна классификация, которая наиболее полно охватывает существующие виды трансформаций, предлагаемая Е. Ф. Арсентьевой: (Арсентьева, 2009)

1. Замена лексического компонента;
2. Вклинивание
3. Добавление переменного компонента;
4. Эллипсис

5. Фразеологическая аллюзия
6. Фразеологический повтор
7. Фразеологическое насыщение контекста
8. Фразеологический каламбур
9. Разорванное использование ФЕ (вклинивающиеся слова синтаксически не зависят от компонентов ФЕ)
10. Расширенная метафора (использование «подобrazов» или добавочных образов, группирующихся вокруг базовой метафоры ФЕ)

Более детально эта классификация, с использованием примеров будет представлена во второй части исследования пункта 2.4.

Проблемы и трудности, связанные с переводом фразеологизмов, находят у разных лингвистов разные решения, но далеко не всегда их мнения совпадают. В некоторых ситуациях может требоваться один подход, в других другой, в-третьих – методы приходится комбинировать. Но главная ответственность на плечи переводчика ложится не столько потому, что он переводит, но также потому, что он должен прочувствовать ту культуру, на языке которой написано переводимое произведение. Поскольку фразеологизмы являются именно отражением культуры. И адаптировав свое мышление под чужую культуру, используя богатство своего родного языка, он сможет передать мысль автора оригинала столь же ярко и непринужденно.

Выводы по Главе I

Исходя из всего вышесказанного, можно заключить, что наука о переводе является очень древним направлением человеческой деятельности и вместе с тем, получила мощнейший виток развития относительно недавно. Связано это было, прежде всего, со становлением эпохи глобализации, увеличением численности мигрирующего населения и просто облегчением возможности передвижения. Это вызвало широкий интерес у множества ученых-лингвистов, поскольку вопрос коммуникации культур друг с другом стал актуален как никогда раньше. На этой почве одна научная парадигма стремительно сменяла другую. Появлялись всё новые переводческие теории и труды, внесшие значительный вклад в теорию и практику перевода. На данный момент существует внушительное число лингвистических направлений, которые занимаются своими более узкими вопросами явлений, связанных с языком.

Значительное внимание уделялось и уделяется попыткам классификации переводческих приемов. Своё видение такой классификации предлагали десятки именитых зарубежных и отечественных специалистов. Однако, всем им до сих пор не удалось сойтись на одной единой концепции, что в первую очередь связано с отсутствием, опять же, единого мнения по поводу сущности самого понятия переводческой трансформации.

На фоне этого, в связи с объяснимой популярностью и актуальностью выделяется в качестве особого вида перевода, перевод художественных произведений или иначе – проза. Ее особенностью являются повышенные требования к передаче сообщения, заложенного автором текста оригинала. Отсюда вытекают трудности, в первую очередь, связанные не только с различием грамматических структур двух языков, но и с разнообразием культурных особенностей разных народов. Речь о традиционных различиях, обычаях, устойчивых выражениях, которые в художественном тексте

представлены наиболее полно. А способствовать высокому качеству художественного перевода должен широчайший кругозор переводчика, его собственный писательский навык и, помимо прекрасного владения иностранным языком, способность на нем мыслить – понимать оттенки значений и максимально точно «пересоздавать» их для будущего читателя.

Особый пласт среди многообразия переводческих подводных камней занимает фразеология, которая служит идентификатором культурной идентичности и тесно связана с художественными текстами. Этим вопросом, также, занимались многие, в частности, отечественные лингвисты. Однако и данное направление всё еще остается до конца не изученным.

Глава II. Роль трансформаций при переводе романа Кристофера Паолини «Эрагон»

2.1. Отличительные черты творчества Кристофера Паолини и его произведения "Эрагон"

Эрагон – цикл художественных произведений в жанре фэнтези, состоящий из четырех частей и написанный американским писателем Кристофером Паолини. Первая книга тетралогии вышла в свет в 2003 году. После написания первого чернового варианта книги, последующий год Паолини провел, переписывая и дорабатывая вселенную и персонажей. После чего еще целый год он посвятил, путешествуя по Америке в попытках разрекламировать свой роман и найти издателя. Книгой заинтересовался издательский дом «Alfred A. Knopf, Inc» и 26 августа 2003 года была опубликована первая официальная версия книги. На тот момент автору было 19 лет.

В 1984 году, когда Кристофер Паолини появился на свет, его мать, Талита, бросила свою работу учителя в начальной школе Монтессори, чтобы посвятить всё свое время воспитанию сына. Монтессори – это система обучения, разработанная итальянским педагогом Марией Монтессори (1870-1952), данная система преподавания в большей степени направлена на развитие самодисциплины и писательских способностей в раннем возрасте. Талита использовала этот метод, обучая сына дома, а два года спустя у Кристофера появилась сестра Анджела (этим именем зовут одного из персонажей романа), со временем тоже стала обучаться под чутким присмотром матери. Некоторые из необходимых материалов для преподавания в Монтессори были довольно дорогие, однако Талита экспериментировала и нашла им альтернативы. Ее методы оказались

настолько успешны, что к тому времени, когда сперва Кристоферу, а позже и Анжеле исполнилось три года, они вполне были готовы осваивать программу первого класса (Paolini).

Когда Кристофер достиг школьного возраста, его родители переживали, что традиционная система обучения ему попросту будет скучна и неинтересна. Поэтому после долгих и трудных раздумий они приняли решение дать ему образование на дому. Его родители настолько сконцентрировались на воспитании своих детей и сделали это приоритетом, что единственным источником дохода для них оставалась собственная домашняя издательская компания. В своих интервью Паолини рассказывал о той творческой атмосфере, которую создали для него родители и что он обязан им своим вдохновением. Он, также, признавался, что не всегда был послушным учеником. Любопытный факт заключается в том, что Паолини не любил читать. В возрасте трех или четырех лет, он отказывался учиться читать, но его мать занималась с ним очень терпеливо, пока в один день не открылась дверь, изменившая его жизнь.

Этой дверью стал его первый поход в библиотеку. Паолини вспоминает свой визит в библиотеку с матерью и то, как его внимание привлекла серия загадочных книг с разноцветными обложками. Он взял одну из них домой и, как он сам утверждает, что-то щелкнуло. Он был заворожен персонажами, диалогами и их удивительными приключениями. «С тех пор», пишет Паолини, «я влюбился в художественное слово» (Paolini). Он начал жадно читать всё подряд: классику, мифологию, триллеры, научную фантастику и всё, что было ему интересно. В частности, ему очень нравился жанр фэнтези и писатели, повествующие о героях, эльфах, битвах на мечах и приключениях, а особенно драконах.

А уже свою собственную книгу Кристофер написал в возрасте 15-ти лет. Началом тетралогии стал роман Эрагон (Eragon, 2003), затем в свет вышли и остальные книги серии: Возвращение (Eldest, 2006), Брисингр (Brisinigr, 2008) и Наследие (Inheritance, 2011).

Изначально Паолини планировал закончить историю на трех книгах, однако поскольку объем третьей части приближался к 1500 страницам, было решено разделить ее на две части.

Действия романа разворачиваются в вымышленной стране Алагейзии, а основные события сфокусированы вокруг мальчика-подростка по имени Эрагон и его дракона Сапфиры, которые противостоят королю-тирану Гальбаториксу. Эрагон проживал на ферме в деревне под названием Карвахолл со своим дядей Гэрроу и двоюродным братом Рораном. Гэрроу опекал Эрагона с тех пор как его мать (сестра дяди) не пропала сразу же после рождения мальчика. Сюжет повествования начинается с того, что 15-летний юноша во время охоты в горах находит загадочный синий камень, который, как оказалось, являлся драконьим яйцом. В тайне ото всех он приносит это яйцо домой и через несколько месяцев из него вылупляется маленький дракон, получивший имя Сапфира. Однажды в деревню наведались слуги деспотичного короля Гальбаторикса, и в результате чего Гэрроу был смертельно ранен, а его дом и ферма оказалась сожжены дотла. Эрагону ничего больше не оставалось, кроме как отправиться по следам Раззаков, ища отмщения в компании своего дракона и деревенского сказителя Брома, который подарил Эрагону меч Раззок и настоял на своей помощи.

Особое место в произведении занимают авторские окказионализмы. Согласно определению, окказионализм (от лат. *occasionalis* — случайный) — индивидуально-авторский неологизм, созданный поэтом или писателем, согласно существующим в языке непродуктивным словообразовательным моделям и использующийся исключительно в условиях данного контекста, как лексическое средство художественной выразительности или языковой игры (Розенталь).

Окказионализмы обычно не получают широкого распространения и не входят в словарный состав языка. Как отмечает сам Паолини «Выбор правильного имени для персонажа или названия для места мог занимать дни,

недели или даже годы» (Shurtugal). По признанию автора, когда у него возникали трудности с именем, он использовал «имя-заменитель», пока подходящая замена не напросится сама собой. Так же он приводит в качестве примера имя главного героя – Эрагон (Eragon), добавляя, что ему очень повезло с ним, поскольку оно очень похоже на слово «дракон» (англ. Dragon), если заменить всего одну букву. Помимо этого, опять же, по словам автора, имя центрального персонажа серии идеально ему подходит, поскольку содержит в себе такие схожие по звучанию слова как “era” (эпоха) и “gone” (ушедшая). Такое словосочетание, заключенное в имени, прекрасно описывает самое главное событие, происходящее с персонажами вселенной – смену эпохи.

2.2 Особенности лексико-семантических трансформаций при переводе романа Кристофера Паолини «Эрагон»

Среди всех видов художественной литературы, «фэнтези» стоит рассматривать как полноценный самобытный жанр, которому присущи свои собственные характерные особенности. Такие как, например, свой собственный мир, в котором действуют особые законы природы, значительное число, выдуманных автором, несуществующих названий и имен, основная тема – приключение главного героя и борьба добра со злом. Следует, так же, выделить и привязанность к культурному своеобразию. Данный жанр зародился на западе в начале 20-ого века, однако, в СССР в то время, он не воспринимался всерьез, поскольку, в соответствии с идеологией, даже фантастические события должны были иметь объяснения, поэтому популярностью пользовалась научная фантастика. Первые переводы классического англо-американского фэнтези начали появляться лишь в конце столетия.

Как и любому другому жанру, фэнтези присуща характерная ей лексика, которая, как известно, связана с окружающей средой и событиями, в которые погружены персонажи. В лингвистике это называется языковыми реалиями. Фантастический мир серии книг «Эрагон» Кристофера Паолини представляет собой комбинацию из преставлений о средневековье, магических существ, других рас и своих собственных законов природы. Перечисленные элементы не могут не влиять на использование автором определенного ряда лексических единиц.

Примечательно, что на момент написания первой книги, автору было всего 15 лет. Далеко не каждый подросток в таком возрасте смог бы написать объёмное произведение со сложным переплетением сюжетных линий. Однако, родители с раннего детства привили Кристоферу любовь к художественной литературе и воспитывали с упором на развитие писательских талантов.

Автор мира «Эрагона» активно использовал мифы и легенды других культур, тщательно их перерабатывал и приносил какую-то их часть в произведение.

Весь сюжет строится на, вполне классических, элементах сказки: мир иной реальности (страна Алагейзия), беззаботное детство главного героя, быстрая завязка, которая заставляет его отправиться в долгое путешествие, помощник (деревенский сказитель Бром), главный злодей и победа над ним (Гальбаторикс), друзья, которые помогают герою в путешествии и спасение мира от всеобщей угрозы.

Подобные сказочные сюжеты и образы, так или иначе, живут в сознании каждого человека, но варьируются от культуры к культуре. Следовательно, можно сделать вывод о том, что переводчик должен трепетно относиться к системе образов оригинального произведения, сохранять средства первичной и вторичной образности, а также постараться передать стиль писателя.

При переводе любого художественно произведения важное место занимают переводческие трансформации, в частности лексические. В первой главе данного исследования были рассмотрены взгляды многих ученых на классификацию переводческих трансформаций. Практически все они, так или иначе, включают в себя лексические трансформации.

В связи с этим конкретный исследовательский интерес представляет анализ лексических переводческих трансформаций на основе исследуемого произведения Кристофера Паолини «Эрагон».

В качестве основы анализа была взята классификация И. Я. Рецкера (Рецкер, 2007). Приведем примеры из произведения тех приемов, которые он отмечает в своей классификации.

Прием конкретизации. Языковедами неоднократно отмечалось, что лексике русского языка свойственна бóльшая конкретность, в сравнении с единицами английского языка. Поэтому часто, в определенных случаях, на помощь приходит прием конкретизации, который заключается в замене лексической единицы ИЯ, единицей с более узким, конкретным значением при переводе. Рассмотрим этот прием на примере:

– «*The bells soon reached a manic tempo where one note clashed against another, at which point the young man thrust a hand out behind himself.*» (Paoloni, 2008: 111)

– «*Звон колоколов вскоре достиг какого-то совершенно сумасшедшего темпа; одна нота словно налезала на другую, не давая той отзвучать, и в этот момент молодой человек выбросил вперед руку*» (Паолини, 2008: 142).

В данном предложении рассмотрен пример контекстуальной конкретизации. В соответствии с нормами русского языка сказать, что «колокола достигли сумасшедшего темпа» позволительно, однако создается впечатление, что в высказывании чего-то не хватает и оно не полное. Переводчик выходит из этой ситуации, добавляя к просто «колоколам» еще один лексический элемент – их «звон», тем самым сужая и конкретизируя понятие.

Прием **генерализации** обратен конкретизации. При использовании данного приема, слово, либо словосочетание, которое несет в себе некий элемент конкретности, расширяется и в переводе заменяется более полным понятием.

– «*How can anyone bear to live in such conditions?* he wondered. Even pigs won't wallow in their own dirt.» (Paolini, 2008: 13)

– «*И как только тут люди живут?* — думал он. — Даже свиньи и то в собственное дерьмо не ложатся!» (Паолини, 2008: 15)

Тут можно выделить сразу два элемента, которые подвергаются генерализации:

1) «Anyone» (кто-либо, кто-нибудь) обобщается и в переводе заменяется на «люди».

2) Bear to live in such conditions (жить в таких условиях). Опускается упоминание об «условиях жизни» и в результате получается просто «живут», что, однако, не лишает это высказывание эмоциональной окрашенности возмущения.

Приём лексического добавления может быть вызвано различными причинами. Среди них: структурные различия двух языков, отсутствие лексико-семантического эквивалента в ЯП, передача значений в ЯП, лексических компонента, выраженных грамматически. Наряду с «вынужденными» причинами, есть и те, которые обусловлены необходимостью пояснения, либо повышения экспрессивности текста. Основаны они часто на личном видении картины переводчиком.

Пример 1:

– «Two more priests jumped forward to catch the crimson flow in goblets that, when filled to the rim, were distributed among the members of the congregation, who eagerly drank.» (Paolini, 2008: 30)

– «К валуну подскочили еще двое жрецов и стали собирать алую жидкость в бокалы, наполняя их до краев и передавая другим членам

братства, которые с жадностью пили кровь *верховного жреца*.» (Паолини, 2008: 39)

Очевидно, что на основе контекста понятно, чью кровь пьют члены братва, но переводчик посчитал нужным уточнить эту деталь.

Пример 2:

– «The Shade forced back his impatience as the minutes became hours. The scent must have wafted far ahead of its owners. He did not let the Urgals get up or warm themselves.» (Паолини, 2005: 10)

– «Однако же нетерпение шейда росло, ибо минуты ожидания стали превращаться в часы. Должно быть, думал он, запах проклятых ургалов уже разнесся повсюду, *весь лес пропах этими рогатыми уродами! Ничего, пусть пока посидят в засаде*, он не позволит им ни размяться, ни согреться.» (Паолини, 2005: 12)

Данный пример ярко демонстрирует повышение степени экспрессивности перевода по сравнению с оригиналом путем лексического добавления. Кроме того, выражение «рогатые уроды» плохо вяжется с высокохудожественным языком. И можно сказать, что посредством такого яркого контраста передается некая нота комичности и демонстрируется явно презрительное отношение шейда к ургалам. В это же время, предложение оригинала скорее носит нейтральную окраску. Складывается впечатление, что переводчик сам прочувствовал атмосферу ситуации и решил высказать своё мнение.

Прием **лексического опущения** чаще используется в случаях семантически избыточных элементов предложения, которые не несут в себе важной информации, либо повторяют уже сказанное.

– «Blades of grass rasped against one another as Roran shifted his weight. He muttered some curse, which was lost in his beard, *and then fell silent again*.» (Paolini, 2008: 121)

– «Зашуршала жесткая сухая трава — это приподнялся и завозился Роран, сердито бормоча какие-то ругательства, которые заглушала его густая борода.» (Паолини, 2008: 142)

В этом примере переводчик решил опустить фрагмент предложения «and then fell silent again» (и снова затих), вероятно, посчитав, что он не имеет в себе семантической составляющей.

Приём **смыслового развития** заключается в передаче смысла словарного соответствия ИЯ путем выстраивания причинно-следственной, логической связи и фиксации ее в ЯП. При должном подходе перевод не должен «уходить далеко» и привносить новые семантические элементы.

– «The Shade peered around a thick tree and looked up the trail. It was too dark for any human to see, but for him the faint moonlight was like sunshine streaming between the trees; *every detail was clear and sharp to his searching gaze.*» (Paolini, 2005: 280)

– «Шейд осторожно выглянул из-за ствола огромного дерева, всматриваясь в следы на тропе. Ни один человек не смог бы ничего различить на земле в такой темноте, но для шейда, обладавшего невероятно острым зрением, даже самый слабый лунный свет был подобен ярким лучам солнца, и он ясно и четко видел любую мелочь, способную привлечь его внимание.» (Паолини, 2005: 306)

Наблюдается явная передача смысла в ЯП путем логического вывода из ИЯ – «*every detail was clear and sharp to his searching gaze*», а из этого следует, что «он ясно и четко видел любую мелочь»

При использовании **антонимичного перевода** происходит замена понятия его противоположным значением в языке перевода. При этом важно прибегнуть к перестройке всего высказывания, что бы сохранился план содержания.

– *Forsaking their hiding*, the Urgals stood and released a stream of black arrows. (Паолини, 2005: 7)

– *Забыв о том, что им запрещено себя обнаруживать*, ургалы, злобно рыча, выскочили из засады и выпустили вслед прекрасной всаднице тучу черных стрел. (Paolini, 2005: 8)

«Forsaking their hiding» буквально можно перевести как: «Оставив своё укрытие». Но переводчик пошел по другому пути, и заменяет «укрытие» на «обнаружение», прибегнув к изменению всей конструкции, что бы сохранить семантическую составляющую. При этом наблюдается явно выраженное использование данного приема.

Еще один прием семантической трансформации - приём **целостного преобразования**. Он включает в себя преобразование слова, словосочетания или целого предложения при переводе полностью, а не каких-то его отдельных лексических элементов.

– «Saphira, did you ... he started to say, then trailed off.

– What?

– Nothing. I just thought ... *Never mind*; it doesn't matter.» (Paolini, 2011: 354)

– «Сапфира, ты не...» — начал он и тут же умолк.

– «Что?»

– «Ничего. Я просто подумал... Ладно, *не обращай внимания*; это неважно». (Паолини, 2011: 417)

Происходит замена «never mind» на «*не обращай внимания*». При этом буквальный перевод фразы значительно отличается лексически, но схож семантически.

На основе проведенного анализа наблюдается значительное число подобных лексических трансформаций, среди которых наибольшее число принадлежит приемам добавления.

Однако, при рассмотрении лексико-семантических особенностей перевода данного произведения, исследовательский интерес представляют и другие моменты. Например, отдельный язык, который присутствуют в вымышленной вселенной произведения и на котором говорят некоторые из

персонажей. К нему относится, так называемый «древний язык». Согласно сюжету, на «древнем языке» много веков назад общались все разумные существа, населявшие этот континент Алагейзии. В какой-то момент раса, называемая Серым Народом (Wikia), связала этот язык с магией таким образом, что каждое магическое заклинание было привязано к конкретному слову. Следовательно, чем больше были знания носителя языка, тем более могущественные магические заклинания он мог совершать. По прошествии веков этот язык был забыт и сейчас им могли владеть лишь эльфы и некоторые из людей.

Можно смело сказать, что в сюжете ему отведена не малая роль, однако нас, в первую очередь интересует его лексическая и семантическая составляющая. В действительности этот язык не был выдуман автором, а практически все его фразы и слова были взяты из языков древних скандинавских и кельтских народов. (Schulman, 2010) Слова древнего языка довольно часто используются персонажами произведения и встречаются в качестве реплик, имен и названий, будучи семантически идентичными своему переводу на английский язык с языка древней Скандинавии. Примером может служить само название третьей книги – «Брисингр». В мире книги — это слово означает огонь (brisingr). Ровно такое же значение оно имело и в древнескандинавском языке. (Bates, 2002)

В качестве еще одного примера рассмотрим имя главного антагониста тетралогии – Гальбаторикс (Galbatorix). И снова в переводе с языка древних викингов «Galba» буквально значит «большой», а «torix» – «король». (электронный ресурс) По признанию самого Паолини, он пытался не только наделить смыслом придуманные им слова, но и параллельно придать называемым предметам особое звучание. Практически все географические названия и большее число имен персонажей были созданы подобным способом. Что касается перевода произведения на русский язык, то переводчиком был выбран метод транслитерации, что вполне обосновано. Как для носителя английского языка, так и русского они едва ли созвучны с

реально существующими словами, однако без сомнений создают необычайную атмосферу мистики и таинственности, которыми произведение пропитано от начала до конца.

Вот лишь краткий список примеров перевода некоторых важных имен собственных во вселенной Эрагона:

Таблица 2.1 Примеры транскрибирования названий вымышленного «древнего языка»

Оригинально название	Перевод на русский язык
Ellesméra	Эллесмера
Urû'baen	Урубаен
Carvahall	Карвахолл
Dras-Leona	Драс-Леона
Farthen Dûr	Фартхен Дур
Agaetí Blödhren	Агэти Блэдрен

Еще одной отличительной чертой произведения, которой виртуозно пользуется Паолини на протяжении всего романа – это всевозможные метафоры и образы. Безусловно данный прием достаточно широко распространен в художественной литературе. Однако, судя по всему, является одним из любимых у писателя.

– «Then Saphira spoke, and her mental voice cut through Glaedr's churning emotions like a knife through water» (Paolini, 2011: 506).

– «И тут заговорила Сапфира. Ее мысли легко, точно вошедший в воду нож, пресекли бушующие страсти Глаэдра» (Паолини, 2011, 574).

Зачастую, Паолини им пользуется с целью представления новых персонажей. Такой подход позволяет подавать одну и ту же черту каждый раз совершенно по-разному. Кроме того, с использованием данного стилистического способа гораздо эффективнее можно передать настроение самих героев и событий вокруг них.

– «The sight filled Eragon's heart with joy, and the emptiness he had labored under for so long vanished like the darkness of night before the rising sun» (Paolini, 2005: 346).

– «Он чувствовал, что та пустота, с которой он все это время безуспешно сражался, тает без следа подобно ночному мраку под лучами солнца» (Паолини, 2005: 399).

При анализе лексико-семантических особенностей, было установлено, что помимо семантических трансформаций, в произведении присутствует, также, большое число лексических. Поскольку из-за различия грамматического строя языков полноценный и качественный перевод невозможен без грамматических трансформаций было решено провести их анализ. В ходе таких трансформаций структура предложения ЯП по сравнению с ИЯ может быть изменена полностью, либо частично. **Грамматические трансформации** заключаются в преобразовании структуры предложения в процессе перевода в соответствии с нормами языка перевода (Рецкер, 1974).

Далее рассмотрим некоторые разделы грамматики, которые, как правило, встречаются довольно часто и вызывают трудности у переводчиков при их передаче и продемонстрируем их суть на примерах из произведения.

1. Герундий представляет собой неличную форму глагола, которая выражает название действия и может являться как глаголом, так и существительным. По мнению Корнеевой «Герундий — наиболее поздняя по происхождению неличная форма глагола. Он произошел от древнеанглийского глагольного существительного и причастия настоящего времени; благодаря этому соединяет в себе характерные черты существительного и глагола». (Кобрина, 1999)

Основным назначением его в английском языке является то, что он позволяет упростить конструкцию предложения, сделать ее более изящной и краткой, помогая избежать громоздких придаточных предложений. Когда мы говорим о переводе, то всё усложняется. На данный момент нет какой-то

четкой классификации способов перевода герундия. В зависимости от выполняемой функции в языке оригинала, на русский язык он может переводиться согласно представленной схеме:

Рис. 2.1 Способы перевода герундия

- Существительным;
  - «By Gorm, Ilda, and Fell Angvara, we vow to perform homage at least thrice a month, in the hour before dusk, and then to make *an offering of ourselves* to appease the eternal hunger of our Great and Terrible Lord» (Paolini, 2008: 202).

– Клянемся Гормом, Илдой и Фелл Ангравой с должным почтением по меньшей мере трижды в месяц в сумеречный час приносить нашему великому и ужасному повелителю *клятву верности* и некую собственную жертву, дабы утишить его извечный голод... (Паолини, 2008: 189).

«*An offering*» с опущением своего прямого значения «*приношение, подношение*» (Webster) было переведено, как «*клятва*». Однако, в данном контексте хоть и передан смысл высказывания был близко, всё равно теряется часть смысла выражения «*offering of ourselves*».

- Отглагольным существительным;
  - The acolytes accompanied *the throbbing* of the bells with their own cries, groaning and shouting in an ecstasy of passion (Paolini, 2008: 3).

– «Музыканты» сопровождали *рыдания* колоколов пронзительными криками, стонами и рыданиями, явно пребывая в некоем религиозном экстазе» (Паолини, 2008: 3).

To throb – биться, пульсировать. В предложении слово представлено отглагольным существительным. Переводчик подходит к передаче смысла грамматически корректно, однако довольно образно, превратив «биение колоколов» в «рыдание».

- Существительным с предлогом;

– As he did, the fourth Urgal rushed at him, swinging a heavy club.

Eragon saw *him coming* and tried to lift his sword to block the club, but was a second too slow» (Paolini, 2008: 213).

– И тут четвертый ургал напал на него, размахивая тяжелой дубиной. Эрагон видел, как взлетает его дубина, но не успел отразить удар» (Паолини, 2008: 229).

Стоит отметить, что в этом примере был использован довольно описательный перевод, с использованием приема замены. "Eragon saw him coming" (Эрагон видел, как он приближается), переводчик решает заменить на "Эрагон видел, как взлетает его дубина..."

- Инфинитивом;

– «*Forsaking their hiding*, the Urgals stood and released a stream of black arrows» (Paolini, 2005: 7).

– «*Забыв о том, что им запрещено себя обнаруживать*, ургалы, злобно рыча, выскочили из засады и выпустили вслед прекрасной всаднице тучу черных стрел» (Паолини, 2005: 8).

В данном предложении два глагола неличной формы являются разными частями речи: деепричастие “forsaking” (покидать, покинуть) и существительное hiding (букв. сокрытие, укрытие)(wordreference.com). переводчик передал смысл данной части предложения инфинитивной конструкцией, в то же время, применив к обоим глаголам антонимичный перевод.

- Деепричастием;
  - «An owl screeched, *cutting* through the silence» (Paolini, 2005: 6).
  - «Нарушив ночную тишину, пронзительно закричала сова» (Paolini, 2005: 6).

В данном примере переводчик, очевидно, чтобы ярче передать образность использует описательный перевод деепричастия «cutting», при этом с добавлением наречия «пронзительно», которое в оригинале отсутствует, но компенсирует оттенок значения.

- Прилагательным
  - Sweat oiled his muscles until he gleamed like a bronze statue in the dying light (Paolini, 2011: 21).
  - Он обливался потом, и его обнаженное тело блестело в закатных лучах, точно бронзовая статуя (Паолини, 2008: 29).

Dying light = закатные лучи.

2. Инфинитив – это неличная форма глагола, которая выражает исключительно действие, без указания времени числа и лица (Ахманова, 1975). В английском языке на равне с русским, инфинитив, может обладать признаками, как самого глагола, так и существительного. Отличительной чертой инфинитивных конструкций глаголов английского языка, конечно же, является частица «to».

В следующем примере предложения ИЯ используется, так называемое, сложное дополнение, которое представляет собой существительное, либо местоимение в сочетании с инфинитивом.

- «Either way, I doubt the Ra'zac will leave Katrina unattended for long, not if Galbatorix wants her to survive so he can use her as a tool against me» (Paolini, 2005: 148).

– «Но я в любом случае сомневаюсь, что Катрину надолго оставят без присмотра, особенно если Гальбаторикс требует сохранить ей жизнь, чтобы впоследствии ее можно было использовать как приманку для меня или для тебя» (Паолини, 2005: 130).

Часто такие конструкции переводятся с использованием вводных союзов, таких как: «как», «что», «чтобы». Однако в нашем примере, был выбран вполне близкий по смыслу, однако иной вариант перевода. Но уже во второй части предложения нам встречается инфинитив в сочетании с модальным глаголом, где и использован этот прием.

3. Каузативные конструкции, выражающие побуждение к действию, относятся также к категории сложного дополнения и нередко представляют значительную трудность при переводе. Казуативная конструкция состоит из трех членов: глагола-сказуемого, дополнения (существительного или местоимения) и третьего элемента, обычно именуемого «объектным предикативным членом». Казуативная конструкция может быть построена и на неличной форме глагола — герундие, причастии или инфинитиве (Рецкер, 2009).

Казуативные конструкции можно разделить на две группы в зависимости от наличия каузативного глагола. Наиболее распространёнными подобными глаголами являются: to force, to compel, to impel, to cause, to make, to get, to have.

- «Drawing and releasing a slow breath to clear his head, Eragon tried to force his mind back to the present but could not» (Paolini, 2011: 217).

- «Стараясь дышать медленно и размеренно, Эрагон постарался сосредоточиться на том, что происходит в настоящий момент, но не смог» (Паолини, 2011: 200).

Очевидно, что в данном контексте «сосредоточиться» гораздо уместнее, чем буквальный перевод каузативным глаголом – «заставить свой мозг».

В других случаях каузативные конструкции могут образовываться при помощи глаголов get или have, которые выражают побуждение к действию. Соответственно и перевод их может быть очень вариативным. Это будет зависеть от контекста.

– «Get me some bread from your saddlebag, would you? I'm hungry» (Paolini, 2008: 105).

– «Достань мне кусок хлеба из сумки, ладно? Я что-то проголодался» (Паолини, 2008: 93).

4. Как известно, **артикли** английского языка не имеют аналогов в русском. Поэтому могут представлять довольно специфическую сложность при переводе, поскольку помимо своей основной функции – выражения определенности и неопределенности, имеют также и другие свойства. Например, неопределенный артикль в некоторых случаях может заменять неопределённое местоимение один/некий/какой-то. И в данном случае его следует переводить, используя один из этих вариантов.

Пример ниже наглядно это демонстрирует:

– «It seemed as if a magician had placed an enchantment upon the earth and that everything in the world was bound in an eternal sleep and would remain frozen and unchanging forevermore underneath the watchful gaze of the twinkling stars» (Paolini, 2003: 117).

– «Казалось, некий волшебник зачаровал и землю, и небо, и все в этом мире погрузил в вечный сон, чтобы оно так и осталось недвижимым и неизменным под внимательным взором звезд» (Паолини, 2003: 110).

5. Союзы и частицы

Не малые проблемы для переводчика помимо артикля создают и такие части речи как союзы, частицы и предлоги. Основным моментом является то, что в зависимости от контекста их следует переводить вовсе не их прямым значением. В противном случае может возникнуть путаница. Приведем несколько примеров:

Наиболее распространенное значение союза «yet» - еще; уже; до сих пор. Но гораздо реже он используется в значении противопоставления, как видно из примера.

– «The weapon was thin enough to slip between a pair of ribs, yet stout enough to hack through the hardest armor» (Paolini, 2003: 504).

– «Клинок был достаточно узок, чтобы легко вонзиться в грудь противника_меж двух соседних ребер, но очень прочен и запросто мог пробить насквозь даже самые надежные латы.»

В нижеследующем примере использован довольно логичный и уместный перевод наречия «too» близким по смыслу союзом «и». При этом сама конструкция предложения, как мы видим, «адаптирована» под русский язык, что усиливает его действие (Паолини, 2003: 444).

– «He did not let the Urgals get up or warm themselves. He denied himself those luxuries, too, and stayed behind the tree, watching the trail» (Paolini, 2003: 371).

– «...он не позволит им ни размяться, ни согреться. Он и себе-то подобной роскоши не позволит. И шейд снова застыл за деревом, внимательно следя за тропой» (Паолини, 2003: 340).

6. Эллиптические конструкции

«Эллиптические предложения, некоторые причастные обороты и бессоюзные придаточные предложения также представляют известную трудность для перевода. Примерами эллиптических предложений могут стать и заголовки. В случае пропуска того или иного члена предложения вначале восстанавливается структура всего предложения, и уже затем оно переводится. Эллиптическое/неполное предложение – предложение, характеризующееся неполнотой грамматической структуры или неполнотой состава, вследствие того, что в нем отсутствует один или несколько членов (главных или второстепенных), ясных из контекста или из ситуации.» (Роева, 2013)

– «Stop whoever is coming . . . or die» (Paolini, 2003: 3).

– «Никому не давайте пройти... лучше умрите!» (Паолини, 2003: 3).

2.3 Перевод фразеологических единиц в произведении Кристофера Паолини "Эрагон"

Фразеологизмы играют значительную роль в книге в качестве средства выразительности. В некоторой степени для фэнтезийный мира, близкого стилю к сказке, это является неотъемлемой составляющей. Фразеологизмы обладают разнообразными стилистическими функциями. В первую очередь, это, конечно же, более яркая передача образов – экспрессивность, эмоциональность, передача отношения героев к вещам и ситуациям.

Употребление ФЕ может быть, как узуальным (нормативным), так и окказиональным. Узуальное употребление фразеологизмов – это употребление ФЕ без какого-либо отклонения от привычного их использования. Именно узуальная форма ФЕ зафиксирована в словаре.

Рассмотрим несколько примеров перевода таких ФЕ в произведении. Прежде стоит отметить, что в зависимости сложности их перевода, ФЕ можно разделить на (Арсентьева, 2006):

1. Фразеологические эквиваленты, когда в ИЯ и ЯП прослеживается полное или частичное совпадение по смыслу и образу.
2. Фразеологические аналоги, имеющие в языке перевода лишь схожие по внутренней форме ФЕ. Допускается различие в компонентном составе.
3. Безэквивалентные фразеологические единицы, которые не имеют соответствий во фразеологической системе другого языка.

В зависимости от принадлежности к той или иной группе, целесообразно прибегать к тому или иному способу перевода ФЕ. Рассмотрим несколько примеров, иллюстрирующих как с этой задачей справлялся переводчик.

– «I warned you that I wouldn't go to the Varden, but you went ahead and trapped me *between a hammer and an anvil!*» (Paolini, 2011: 555).

– «А я ведь давно предупреждал тебя, что к варденам ни в коем случае не собираюсь, но теперь по твоей милости оказался *между молотом и наковальней!*» (Paolini, 2011: 607).

Выражение «*between a hammer and an anvil*» дословно переводится на русский язык, как «быть между молотом и наковальней», т. е. имеет лексическое, образное и стилистическое соответствие и, вряд ли, создало трудности при переводе.

Следующий пример перевода имеет семантическую идентичность. Однако, на компонентном и структурно-грамматическом различаются, поэтому являются частичными аналогами.

– «The room was chilly; *goose bumps* formed on his arms and shoulder» (Paolini, 2005: 60).

– «В комнате было холодно; голые руки и плечи тут же *покрылись мурашками*» (Паолини, 2005: 78).

В русском языке выражение «*goose bumps*» имеет соответствие «*гусиная кожа*». Но данный перевод в данном контексте является не совсем уместным, и переводчик прибегнул к фразеологизму-синониму «*покрыться мурашками*»

В примере ниже выражение «*stand a chance*» буквально значит «иметь шанс».

– «What *chance* did the old man *stand*?» (Paolini, 2003: 350).

– «Интересно, на что он *рассчитывает?*» (Паолини, 2003: 389).

Не обнаружив подходящего эквивалента в русском языке, переводчик применил описательный метод при переводе безэквивалентной ФЕ. При этом постарался сохранить стилистику и эмоциональное воздействие на читателя.

Не меньший интерес для анализа представляют окказиональным формы фразеологизма, которые также называют трансформацией ФЕ. И структура, и семантика фразеологических единиц могут подвергаться преобразованиям. Трансформация семантики фразеологизмов возможна потому, что они обладают внутренней формой. Возможность

окказионального преобразования определяется также раздельнооформленностью ФЕ (Кобрина, 1999).

Классификации приемов трансформации ФЕ были даны такими учеными как А. В. Кунин, И. А. Бородянский, А. Начисчионе и др. Однако рассмотрим и приведем анализ трансформаций ФЕ в романа Паолини «Эрагон. Возвращение» («Eldest»), на основе классификации, предлагаемой Е. Ф. Арсентьевой. Данная классификация наиболее полно охватывает существующие виды трансформаций ФЕ (Арсентьева, 2006).

Е. Ф. Арсентьева выделяет следующие типы трансформаций ФЕ:

1. Замена лексического компонента;
2. Вклинивание
3. Добавление переменного компонента;
4. Эллипсис
5. Фразеологическая аллюзия
6. Фразеологический повтор
7. Фразеологическое насыщение контекста
8. Фразеологический каламбур
9. Разорванное использование ФЕ (вклинивающиеся слова синтаксически не зависят от компонентов ФЕ)
10. Расширенная метафора (использование «подобrazов» или добавочных образов, группирующихся вокруг базовой метафоры ФЕ)

Приведем примеры, выявленных трансформаций ФЕ и их переводы в тексте произведения.

1. *Замена лексического компонента*

Многие ученые отмечают, что замена лексического компонента является одним из самых распространенных приемов контекстуальных трансформаций ФЕ.

Рассмотрим пример:

– «*Put your heart at ease, Felda. I will tend to the matter as soon as I can*» (Paolini, 2011: 370).

– «*Не беспокойся, Фельда. Я займусь этим сразу, как освобожусь*» (Паолини, 2011: 400).

- put smb's mind at ease – to cause someone to stop worrying

- put smb at (his) ease – успокоить, подбодрить, ободрить кого-л.

Замена компонента «mind» на «heart». Используемый автором прием трансформации повышает эмоционально-экспрессивную содержательность фразеологизма и способствует уточнению значения. Переводчик предпочел перевести данную ФЕ описательно, сохраняя семантику единицы.

2. *Вклинивание*

С точки зрения А.С. Начисчионе, вклинивание – это «структурно-семантический прием окказионального использования фразеологических единиц в речи, при котором вставляемый элемент (или элементы) становится частью ФЕ в данном речевом акте, ее окказиональным компонентом, изменяя структуру ФЕ и расширяя ее компонентный состав» (Начисчионе, 1982).

Вклинивание наглядно демонстрируется в следующем примере:

– «*Worse, something seems to have gotten our fine, mad monarch's dander up, so it has*» (Paolini, 2005: 385).

– «Мало того, вроде бы что-то *страшно рассердило нашего безумного* Гальбаторикса» (Паолини, 2008: 346).

- get smb's dander up - рассердить(ся), разозлить(ся), вывести из терпения, потерять терпение

Автор добавил компонент «*our fine, mad*» путем вклинивания для повышения эмоционально-экспрессивной содержательности ФЕ, что в свою очередь создает эффект иронии в высказывании. Высмеивается личность короля. Переводчик перевел данную единицу описательно, не сохранив трансформации ФЕ исходного языка. На наш взгляд, в предложенном варианте перевода не хватает иронического оттенка, который содержится в ИЯ.

3. *Добавление переменного компонента*

Добавление переменного компонента к началу и/или к концу фразеологизма является одним из самых древних приемов окказионального преобразования ФЕ. Е. В. Рыжкина всесторонне, в частности в когнитивном ракурсе, исследует этот тип трансформации в диссертационном исследовании, посвященном фразеологической окказиональности в английском языке. Автор пришла к выводу, что наиболее часто подвергаются добавлению субстантивные ФЕ. Второе место занимают адъективные и адвербиальные фразеологизмы. Наименее подвержены изменениям посредством добавления компонентов глагольные ФЕ. Посредством расширения состава фразеологизма происходит усиление или уточнение его значения (Ефанова, 2005).

Добавление переменного компонента/компонентов к концу фразеологизма чаще характерно для языка оригинала. Приведем пример:

– «Most of us have climbed to the top of the falls *at one time or another*» (Paolini, 2011: 35).

– «Ведь почти все вы *когда-нибудь* да поднимались к водопадам» (Паолини, 2011: 41).

- at one time – in the past

- at one time – одно время, когда-то

В произведении к концу исходной ФЕ был добавлен компонент «*or another*».

Данная трансформация обновляет образность ФЕ. Уточняется, что действие происходило в прошлом неоднократно. Переводчик переводит описательно эту единицу за неимением в русском языке данной ФЕ без сохранения трансформации. Происходит потеря семантики трансформированной единицы. Читатель-реципиент не видит ту неоднократно события, воспринимая его как нечто однажды совершенное.

4. *Эллипсис*

Существуют различные виды эллипсиса. Один из них – так называемый фразеологический эллипсис может осуществляться с целью

придать речи лаконизм, актуализировать отдельные элементы значения ФЕ, стилизовать разговорную речь. Об этом писал известный фразеолог, один из первых исследователей приёмов окказионального преобразования фразеологизмов Н.Л. Шадрин: «Семантико-стилистическая функция рассматриваемого способа трансформации заключается в том, чтобы придать речи лаконизм и живость при одновременном сохранении всей смысловой ёмкости полносоставного фразеологизма, увеличить его экспрессивное воздействие на читателя, привлечь особое внимание к его образной основе» (Шадрин, 1973).

Для рассмотрения этого типа преобразования послужил следующий пример:

– «The tides are gentle this time o' year, but we still don't want to fight them an' *no bones about it*, so we'll have to be on our way directly after the high tide» (Paolini, 2008: 586).

– «В это время года приливы не такие сильные, но нам все равно ни к чему с ними сражаться, *ничего хорошего это не сулит*, так что мы отправимся в путь сразу же после высокой воды» (Паолини, 2008: 603).

- *make no bones about smth.*

1) Не стесняться, не церемониться с чем-л., не скрывать чего-л., называть вещи своими именами

2) Не возражать против чего-л., не чинить препятствий чему-л.

Усечение компонента «*make*» незначительно уменьшило интенсивность и экспрессивность высказывания, в то время, как оценочность осталась без изменения. Переводчик переводит данную трансформацию описательно, изменяя семантику трансформированной единицы. В ИЯ трансформация употребляется в значении «честно говоря, по правде говоря». Переводчик же передал данную трансформацию в другом значении, добавляя негативный оттенок.

5. Фразеологическая аллюзия

Фразеологическая аллюзия может пониматься как восстановление фразеологизма по его ключевым, ядерным компонентам, а так же в качестве ссылки на хорошо известные устойчивые сочетания.

– «As my pap taught me when I was a suckling babe, *where there's smoke, there's fire*» (Paolini, 2005: 365).

– «А мой папаша с детства мне внушал, что *дыма без огня не бывает!*» (Паолини, 2005: 385).

– *there is no smoke without fire* – used for saying that if something bad is being said about someone, or if something seems bad, then there is probably a good reason for it

- *(there is) no smoke without fire* - нет дыма без огня, все имеет свои последствия (**Cambridge International Dictionary of Idioms**).

Читатель без труда может восстановить единицу, поскольку ядерные компоненты пословицы в трансформации сохранены. При переводе употребляется эквивалент данной пословицы, также трансформированный, но уже с помощью другого типа трансформации – замены компонента «нет» на «не бывает» и перестановкой компонента в конец ФЕ.

6. **Фразеологический повтор**

Фразеологический повтор по своей природе является лексическим повтором, т.е. повторением «...словосочетания или предложения в составе одного высказывания (предложения, сложного синтаксического целого, абзаца) и в более крупных единицах коммуникации, охватывающих ряд высказываний» (Арсентьева, 2006).

Как отмечает сама Е.Ф. Арсентьева: «может наблюдаться как близкое, так и дистантное расположение ФЕ при её полном повторении, однако чем дальше друг от друга расположен фразеологизм при повторении, тем труднее для читателя или слушателя распознать фразеологические связи, пронизывающие весь контекст» (Арсентьева, 2006).

– «Nasuada faltered, disconcerted, then forged ahead. “Would you be willing to *keep an eye on Elva* for me?»

– Of course! And I'll *keep two eyes on* her, if I can spare them. I relish the opportunity to study her» (Paolini, 2005: 50).

– «Насуада помолчала и снова решительно ринулась в бой:

- Я бы хотела, чтобы ты *присматривала* за Эльвой и несла за нее ответственность. Мне необходимо...»

- Ну, конечно! Я бы *глаз с нее не спускала!* Мне ведь тоже очень интересно было бы изучить ее особенности и повадки»

- *Keep an eye on* – to watch someone or something; to monitor someone or something closely

Фразеологический повтор усиливает значение, экспрессивизацию отрывка. Во втором случае использования ФЕ в тексте оригинала мы также видим другой тип трансформации – вклинивание. Компонент «*two*» использован для усиления значения единицы - крайнего внимания. В переводе фразеологический повтор не употребляется, образность употребления утрачивается. Однако в переводе «*keep two eyes on*» переводчик очень точно перевел значение, вложенное в данную единицу автором.

7. **Фразеологическое насыщение контекста**

К наиболее действенным и сильным средством преобразования ФЕ является фразеологическое насыщение контекст, заключающееся в одновременном использовании двух или более ФЕ и/или нескольких типов контекстуальных трансформаций фразеологических единиц. Число комбинаций различных приемов стилистического окказионального преобразования ФЕ практически неограниченно (Эрозин, 2001).

Основным эффектом фразеологического насыщения контекста является экспрессивизация контекста, что можно отметить в примере:

– «... How could you *look me in the eye* and speak to me like an honest man while, *at the same time*, courting my daughter without permission? I *dealt with you in good faith*, and here I find you plundering my house *while my back is turned*» (Paolini, 2005: 500).

– «И ты еще смеешь *в глаза мне смотреть*? Разве приличный человек стал бы с девушкой шуры-муры затевать, её отца не спросив? *Я-то с тобой по-хорошему*, а ты вон что! Вздумал тайком ко мне в семью втереться!» (Паолини, 2005: 583).

В переводе данного отрывка не все трансформированные единицы были сохранены, из-за чего теряется смысловая нагрузка, вложенная автором. Кроме того, выражение «while my back is turned» было переведено вольно, что в данном конкретном случае ведет к изменению коннотации. Данное выражение несет более негативный окрас, нежели предложенный переводчиком вариант – «Вздумал тайком ко мне в семью втереться!»

В ходе анализа такие трансформации, как разрыв и расширенная метафора и каламбур выявлены не были.

Функции трансформаций ФЕ могут быть самыми разнообразными: уточнение и усиление значения, экспрессивизация, обновление образности и др. Однако эти функции не всегда сохраняются при переводе на русский язык. Было также установлено, что невозможно определенную функцию отнести к определенному типу трансформации, т. к. определение функции зависит от контекста. Все это делает важным изучение фразеологизмов в контексте, способствуя дальнейшему изучению трансформаций ФЕ.

Выводы по Главе II

Эрагон – цикл художественных произведений в жанре фэнтези, состоящий из четырех частей и написанный американским писателем Кристофером Паолини. Уже в возрасте 15-ти лет он пишет и издает первую книгу серии - Эрагон (Eragon, 2003). Изначально Паолини планировал закончить историю на трех книгах, однако поскольку объем третьей части приближался к 1500 страницам, было решено разделить ее на две части. Через какое-то время после релиза она становится бестселлером.

Сам по себе жанр фэнтези – довольно самобытен, поскольку ему присущи свои характерные черты и особенности. Как и любому другому жанру, фэнтези присуща характерная ей лексика, которая, как известно, связана с окружающей средой и событиями, в которые погружены персонажи. В лингвистике это называется языковыми реалиями. Фантастический мир серии книг «Эрагон» Кристофера Паолини представляет собой комбинацию из представлений о средневековье, магических существ, других рас и своих собственных законов природы. Перечисленные элементы не могут не влиять на использование автором определенного ряда лексических единиц.

На основе анализа лексико-семантических особенностей произведения было выявлено, что в произведении широко используется свой собственный «внутренний язык», от части выдуманный автором. Однако за основу был взят язык народов древней Скандинавии.

Данный прием служит не только важным элементом в сюжете, но также существенным лексическим составляющим, которое придает миру книги особую атмосферу некой загадочности, поскольку он так и называется – «древний язык».

При переводе на русский язык, важной составляющей являются грамматические трансформации, без которых невозможен полноценный и

качественный перевод из-за различия грамматического строя языков. В связи с чем в пункте 2.3 второй главы был проведен анализ грамматических трансформаций, рассмотрены и дана оценка примерам перевода различных грамматических структур на русский язык.

Важным средством выразительности любого художественного произведения, а тем более волшебного мира «фэнтези» являются устойчивые выражения и фразеологизмы. Фразеологизмы обладают разнообразными стилистическими функциями. В первую очередь, это, конечно же, более яркая передача образов – экспрессивность, эмоциональность, передача отношения героев к вещам и ситуациям. С целью выявить уровень адекватности перевода оригиналу, был проведен анализ перевода фразеологических единиц по двум направлениям: узуальные и окказиональные. Анализ показал, что в большинстве случаев переводчик весьма успешно с ними справляется, подбирая семантически и стилистически удачные эквиваленты.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Наука о переводе является очень древним направлением человеческой деятельности и вместе с тем, получила мощнейший виток развития относительно недавно. Среди всех ныне существующих жанров, особое место среди них занимает художественная литература, в связи с повышенными требованиями к передаче сообщения, заложенного автором текста оригинала. Отсюда вытекают трудности, в первую очередь, связанные не только с различием грамматических структур двух языков, но и с разнообразием культурных особенностей разных народов.

Для разработки новых методов и оптимальных классификаций приемов перевода, возникает потребность в анализе уже существующих переводов художественных произведений.

В качестве объект данного исследования были обозначены переводческие приемы и лексико-семантические особенности серии произведений Кристофера Паолини «Эрагон», а также способы достижения адекватности при переводе данного художественного произведения.

Исходя из объекта была поставлена цель – рассмотреть и исследовать лексико-семантические особенности произведений жанра фэнтези, играющие важную роль при переводе, посредством сравнительно-сопоставительного анализа.

В соответствие с поставленной целью, были сформулированы и успешно достигнуты следующие задачи:

- Рассмотрено современное состояние теории перевода в целом и выделены основные этапы ее становления;
- Проведен анализ наиболее известных классификаций приемов перевода отечественных и зарубежных лингвистов;
- На основе теоретической базы исследования, выявлены отличительные особенности и дана характеристика такому направлению, как

перевод художественной литературы;

– Дана характеристика специфике фразеологии в художественных текстах с точки зрения переводчика-практика;

– Проведен сравнительно-сопоставимый анализ текстов оригинального произведения и его перевода на русский язык и выявлены основные трудности, вызванные при переводе анализируемого произведения;

– Была дана оценка переводческим решениям, руководствуясь критериями адекватности.

Список использованной литературы

1. Абдуллина, А. Р. Контекстуальные трансформации фразеологических единиц в английском и русском языках: автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. фил. наук (10.02.20). – Казань, 2007. – 2 с.
2. Аникина, Н. А. Концепт и фразеологизм // Ученые записки. – Вып. 4. Лингвистика. Межкультурная коммуникация. Перевод. – Курск: РОСИ, 2002. – С. 7-13.
3. Арсентьева, Е. Ф. Сопоставительный анализ фразеологических единиц (На материале фразеологических единиц, семантически ориентированных на человека в англ. и рус. языках) / Е. Ф. Арсентьева. Казань: Изд-во Казан. КН-та, 1989. – 123с.
4. Арсентьева, Е. Ф. Фразеология и фразеография в сопоставительном аспекте (на материале русского и английского языков). Казань: Изд-во Казанского университета, 2006. 172 с.
5. Арсентьева, Е. Ф., А. Р. Абдуллина, Р. А. Аюпова, А. О. Жолобова, А. Р. Залялеева, С. Г. Каримова, Р. А. Сафина, Е. Ю. Семушина – Контекстуальное использование фразеологических единиц: Коллективная монография. – Казань: Татарское республиканское издательство «Хэтер», 2009. – 168 с.
6. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов. - М., 1964. - 608 с.
7. Бархударов, Л. С. Уровни языковой иерархии и перевод. «Тетради переводчика», № 6. М., 1969. с. 10.
8. Бархударов, Л. С. Язык и перевод. - М., 1975. - 237 с.
9. Бархударов, Л.С. Язык и перевод. Вопросы общей и частной теории перевода. М., 1975.

10. Введенская, Л.А., Павлова, Л. Г.. Культура и искусство речи. Современная риторика. Ростов-на-Дону. Издательство «Феникс». 1998 г.— 576 с. - Риторика
11. Влахов, С., Флорин, С. Непереводимое в переводе. - М., 1980. – 190 с.
12. Галь, Н. Слово живое и мертвое. - М.: Международные отношения, 2001. - 227 с.
13. Гумбольдт, В. Избранные труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1984. – 400 с.
14. Ефанова Л. Г. Фразеологические трансформации в речи и тексте. — Томск: Вестн. Томск. гос. пед. ун-та, 2005. — с. 123–127.
15. Ефанова, Л. Г. Фразеологические трансформации в речи и тексте. Вестник ТПУ, 2005. Выпуск 3 (47). Серия: Гуманитарные науки (Филология).
16. Илюшкина, М. Ю. Теория перевода: основные понятия и проблемы: [учеб. пособие] / М. Илюшкина М. Ю.; [науч. ред. М. О. Гузикова]; М-во образования и науки Рос. Федерации, Урал. федер. ун-т. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015. — 84 с.
17. Информация о Нюрнбергском процессе и роли СССР в его проведении и вынесении приговора нацистским преступникам и нацизму
18. Казакова, Т. А. "Художественный перевод. Теория и практика", Инъязиздат, 2006
19. Кобрина, Н. А., Корнеева Е.А. Грамматика английского языка. Морфология Синтаксис. и др. СПб.: СОЮЗ, 1999. - 97 с
20. Комиссаров, В. Н. Общая теория перевода (проблемы переводоведения в освещении зарубежных ученых) : учеб. пособие. М. : ЧеРо, 1999. – 125 с.
21. Комиссаров, В. Н. Перевод и интерпретация // Тетради переводчика. — М., 1982. - № 19.

22. Комиссаров, В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). – М.: Высшая школа, 1990. – 253 с.
23. Комиссаров, В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. - М.: Высш. шк., 1990. - 253 с.
24. Кунин, А. В. Англо-русский фразеологический словарь/ лит. ред. М.Д. Литвинова. 4-е изд., и доп. М., Рус. яз., 1984. — 914 с.
25. Кунин, А. В. Курс фразеологии современного английского языка. М. : Высшая школа, Дубна : Издательский центр «Феникс», 1996. 381 с.
26. Латышев, Л. К. Перевод: проблемы теории, практики и методики преподавания. — М., 1988 с.
27. Левицкая, Т. Р., Фитерман, А. М. Проблемы перевода: на материале современного английского языка. - М., 1976. - 203 с.
28. Леонтьев, А. А. Основы психолингвистики М.: Смысл, 1997. С. 10
29. Львовская, З. Д. «Современные проблемы перевода». – М.: изд-во URSS, 2007. – 220 стр.
30. Любимов, Н. М. Перевод - искусство. - М., 1982. - 128 с.
31. Миньяр-Белоручев, Р.К. Теория и методы перевода. — М., 1996.
32. Миньяр-Белоручев, Р.К. Учебное пособие по теории перевода. — М., 1976. – 158 с.
33. Найда, Ю.А. К науке переводить. Принципы соответствий // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. — М., 1978. 439 с.
34. Начисчионе, А.С. О разграничении вклинивания и разрыва как самостоятельных стилистических приемов при окказиональном использовании фразеологических единиц в речи // Контекстуальная семантика: Сб. Латвийского гос. ун-та им. П. Стучки. — Рига, 1982. — С. 86-91.
35. Овсянникова, А. В. Стилеобразующая роль коннотативных фразеологических единиц в драматургии А. Вампилова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content>

36. Паолини, К. Эрагон: Брисингр Роман/ Пер. с англ. И. А. Тогоевой. – М.: РОСМЭН, 2008. – 720 с.
37. Паолини, К. Эрагон: Наследие Роман/ Пер. с англ. И. А. Тогоевой. – М.: РОСМЭН, 2011. – 958 с.
38. Паолини, К. Эрагон: Роман/ Пер. с англ. И. А. Тогоевой. – М.: РОСМЭН, 2005. – 880 с.
39. Попович, А. «Проблемы художественного перевода» Пер. со словацкого.- М. Высшая школа 1980г. – 200 с.
40. Рецкер, Я. И. "Учебное пособие по переводу с английского языка на русский"
41. Рецкер, Я. И. Теория перевода и переводческая практика. – М.: Международные отношения, 1974. – 216 с.
42. Рецкер, Я. И. Теория перевода и переводческая практика. Очерки лингвистической теории перевода. — М., 1974. – 440 с.
43. Роева, К. М. Трудности перевода и пути их преодоления (на материале научно-технического (нефтяного) дискурса): учеб.-метод. пособие. – Ижевск: Издательство «Удмуртский университет», 2013. – 44 с
44. Розенталь, Д. Э. и Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов. Пособие для учителей. Изд. 2-е, испр. и доп. М., «Просвещение», 1976. 543 с.
45. Сдобников, В. В. Коммуникативно-функциональный подход к переводу в российском переводоведении // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19, Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2009. Вып. 2. – 24 с.
46. Серов, Н. В., А. Б. Шевнин Теория и практика перевода: Пособие для студентов филол. фак. Ун-тов и фак. иностр. яз. пед. ин-тов – Курск: Элиста КГУ 1979125 с.
47. Федоров, А. В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы). – М.: Высшая школа, 1983. – 303 с.
48. Федоров А. В. Введение в теорию перевода. — М., 1953. – 219 с.

49. Христофорова, С. Б. Поэзия Булата Окуджавы в немецких переводах (исторические, стилистико-сопоставительные и переводческие аспекты): дисс. канд. филол. наук. Магадан, 2002. - 251 с.
50. Шадрин, Н. Л. Контекстуальная редукция фразеологических единиц и передача её семантико-стилистических функций в переводе // Лексикологические основы стилистики: Сб. науч. ст. – Л., 1973. – С. 160–169.
51. Шанский, Н. М. Фразеология современного русского языка СПб.: Специальная Литература, 1996. — 192 с.
52. Швейцер, А. Д. Перевод и лингвистика. - М., 1973. - 279 с.
53. Швейцер, А. Д. Перевод и лингвистика. (Газетно-информационный и военно-публицистический перевод). М.: Воениздат, 1973. С. 12.
54. Швейцер, А. Д. Теория перевода. Статус, проблемы, аспекты. — М., 1988. – 350 с.
55. Щетинкин, В. Е. Пособие по переводу с французского языка на русский – М.: Просвещение, 1987. - 160 с.
56. Эрозин, А. В. Фразеодеривационное гнездо как единица толкового словаря нового типа/ А.В. Эрозин. СПб.: Инэк, 2001. - 67 с.
57. Ancient Language to English Dictionary [Электронный ресурс 6] – режим доступа: <https://www.paolini.net/writers-corner/invented-languages-inheritance-cycle/ancient-language/ancient-language-english-dictionary>
58. Belloc, H. On Translation. Oxford: The Clarendon Press. 1931 – 222p.
59. Cambridge International Dictionary of Idioms. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. – 608 p.
60. Christopher Paolini Biography [Электронный ресурс] – режим доступа: <http://www.notablebiographies.com/news/Ow-Sh/Paolini-Christopher.html>
61. Christopher Paolini Biography [Электронный ресурс] – режим доступа: www.notablebiographies.com/news/Ow-Sh/Paolini-Christopher.html

62. Christopher Paolini. "Dragon Tales: An Essay on Becoming a Writer." Eragon. [Электронный ресурс] – режим доступа: <http://www.randomhouse.com/teens/eragon/dragontales.htm>
63. Christopher Paolini: Biography and Interview. [Электронный ресурс] – режим доступа: <http://www.bookbrowse.com/index.cfm?page=author&authorID=934>
64. Cohen, J. M. (1986). Translation. Encyclopedia Americana, 27 p.
65. Hatim, A B., Monday J. Translation: An Advanced Resource Book/ NY.: Routledge, 2005. – 400p.
66. Hilaire Belloc Biography [Электронный ресурс] – режим доступа: https://en.wikipedia.org/wiki/Hilaire_Belloc
67. Holmes, J. S. The Name and Nature of Translation Studies / James S. Holmes // Translated! : Papers on Literary Translation and Translation Studies. – Amsterdam : Rodopi, 1994. – P. 67–80.
68. Jana Schulman, "Retelling Old Tales: Germanic Myth and Language in Christopher Paolini's Eragon," The Year's Work in Medieval-ism 25 (2010), 33-41.
69. Kasparek, C. (1983). The Translator's Endless Toil. The Polish Review, 28(2).
70. Nida, E. A. Towards a science of translating / E. A. Nida. – Leiden : E. J. Brill, 1964. – 331 p.
71. Paolini, C. Brisingr (book. 3)/ C. Paolini/ NY.: Alfred A. Knopf , 2008. – 464p.
72. Paolini, C. Eldest (Inheritance; bk. 2)/ C. Paolini/ NY.: Alfred A. Knopf , 2005. – 635p.
73. Paolini, C. Eragon (book. 1)/ C. Paolini/ NY.: Alfred A. Knopf , 2005. – 635p.
74. Paolini, C. Inheritance (book. 4)/ C. Paolini/ NY.: Alfred A. Knopf , 2011. – 371 p.

75. Shurtugal, The official Inheritance cycle fan community. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.shurtugal.com/?id=series/christopher/qanda>

76. Vinay Jean-Paul, Jean Darbelnet, Comparative Stylistics of French and English, John Benjamins Publishing, 1995 – 358 p.

77. Webster's Unabridged Dictionary [Электронный ресурс] – режим доступа: <http://unabridged.merriam-webster.com>

78. Wikia [Электронный ресурс] – режим доступа: http://inheritance.wikia.com/wiki/Grey_Folk

79. Wordreference dictionary [Электронный ресурс] – режим доступа: <http://www.wordreference.com/>

80. Yourdictionary [Электронный ресурс 6] – режим доступа: <http://www.yourdictionary.com>